Хорошие жены

Автор:
Луиза Мэй Олкотт

Хорошие жены

Луиза Мэй Олкотт

Всемирная литература

Старый друг лучше новых двух. С последней страницей «Маленьких женщин» история семейства Марч не закончилась. Мег, Джо, Бесс и Эми расцвели и из «маленьких» женщин превратились во взрослых девушек. Им предстоит выпорхнуть из семейного гнездышка и выбрать жизненный путь. Кто-то будет искать свое счастье, а кто-то – себя. Их ждут новые заботы, радостные моменты, романтические встречи и горечь утрат. Воздушные замки, построенные в детстве, начинают рушиться. Взрослый мир готовит новые испытания. Однако сестры не готовы терять надежду на лучшее. Станут ли они хорошими женами, как обещает название книги?

Эта светлая книга вызывает улыбку, отвлекает от бед и погружает в атмосферу уюта и тепла. Роман способен поднять настроение читателям любого возраста. История семейства Марч была неоднократно перенесена на широкие экраны. Последняя экранизация 2019 года со звездами мирового масштаба в главных ролях покорила сердца зрителей и кинокритиков, а также была номинирована на «Оскар» в шести категориях и получила награду за «Лучший дизайн костюмов».

Прежде чем стать всемирно известным автором литературы для юношества, Луиза Мэй Олкотт (1832-1888) работала медсестрой во время Гражданской войны, боролась с рабством, была одной из первых участниц движения за предоставление женщинам избирательных прав. Начав писать детские книги, достигла небывалой славы и богатства. Она смотрела на мир и писала о нем так же, как жила, – с верой в будущее, с любовью и состраданием к людям. Верность жизненной правде и высоким идеалам, юмор и неугасимый оптимизм, присущие ее творчеству, всегда будут привлекать к ее книгам юных и взрослых читателей.

"Хорошие жены" – продолжение "Маленьких женщин", искреннего и трогательного романа о детстве и юности четырех сестер. Маргарет, Джо, Бесс и Эми такие разные, такие неповторимые. Они сообща справляются с трудностями, испытывают горести и радости, мечтают о будущем и проходят непростой путь взросления. А став взрослыми девушками, сталкиваются с новыми заботами. Живо и увлекательно описывая их судьбу, Олкотт снова вселяет веру в людей и человеческие чувства.

Луиза Мэй Олкотт

Хорошие жены

Louisa May Alcott

GOOD WIVES

© Матвеева А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Сплетни

Для того чтобы мы могли заново начать нашу повесть и с лёгким сердцем отправиться на свадьбу Мэг, неплохо было бы немного посплетничать о семье Марч. И здесь позвольте предположить, что если кто-то из старших задумается, не слишком ли много «любви» в этой истории, как я опасаюсь, они могут подумать (я не боюсь, что молодые люди будут против этого возражать), я могу только воскликнуть вместе с миссис Марч: «Чего ещё можно ожидать, когда в доме четыре весёлые девушки, а напротив живет лихой молодой сосед?» Три прошедших года мало что изменили в этой тихой семье. Война закончилась,

мистер Марч благополучно вернулся домой, занялся своими книгами и маленьким приходом, который нашёл в нём священника как по природе, так и по достоинствам, спокойного, вдумчивого человека, богатого мудростью, которая важнее, чем учёность, милосердием, делающим всех людей «братьями», благочестием, преобразующим человека, делая его величественным и прекрасным.

Эти качества, несмотря на бедность и высокую порядочность, мешавшие его житейским успехам, привлекали к нему многих достойных восхищения людей так же естественно, как сладкие травы привлекают пчёл, и так же естественно он давал им мёд, в который за пятьдесят лет тяжёлого жизненного опыта не попало ни одной капли горечи. Серьёзные молодые люди считали седовласого учёного таким же молодым сердцем, как и они, а рачительные или измученные проблемами женщины неосознанно делились с ним своими опасениями, уверенные в том, что найдут самое ласковое участие, самый мудрый совет. Грешники поверяли свои грехи чистосердечному старцу, и получали как обличение, так и отпущение. Одарённые люди находили в нём товарища. Честолюбивые улавливали проблески более благородных стремлений, чем их собственные, и даже люди, поглощённые житейскими заботами, признавали, что его убеждения прекрасны и истинны, хотя «они не приносят выгоды».

Со стороны казалось, что пять энергичных женщин правят домом, и во многих отношениях это было так, но тихий учёный человек, сидящий среди своих книг, всё же являлся главой семьи, её совестью, якорем и утешителем, ибо обременённые трудом и заботами женщины всегда обращались к нему в трудную минуту, считая его, в самом прямом смысле этих священных слов, мужем и отцом.

Девушки отдали свои сердца на попечение матери, свои души – отцу, и обоим родителям, которые жили и беззаветно трудились ради них, они дарили любовь, которая росла вместе с ними и мягко связывала их нежнейшими узами, благословляющими жизнь и преодолевающими смерть.

Миссис Марч всё так же бодра и жизнерадостна, хотя и несколько поседела с тех пор, как мы видели её в последний раз, а сейчас настолько поглощена хлопотами Мэг, что госпиталям и домам, всё ещё полным ранеными «мальчиками» и солдатскими вдовами, решительно не хватает визитов этой заботливой миссионерки.

Джон Брук мужественно исполнял свой воинский долг в течение года, получил ранение, был отправлен домой, и на фронт ему вернуться не разрешили. Он не получил ни звёзд, ни знаков отличия, но заслужил их по праву, потому что с готовностью рисковал всем, что имел, а жизнь и любовь очень ценны, когда и то и другое в полном расцвете.

Совершенно смирившись с увольнением, он приложил все свои силы, чтобы восстановить здоровье, подготовиться к работе и накопить на дом для Мэг. С присущими ему здравым смыслом и стойкой независимостью он отказался от более щедрых предложений мистера Лоуренса и согласился на место бухгалтера, чувствуя себя более удовлетворённым, начав с честно заработанного жалованья, чем рискуя брать деньги в долг.

Жизнь Мэг проходила не только в ожидании свадьбы, но и в трудах, она становилась женственнее по характеру, мудрее в искусстве ведения хозяйства и красивее, чем когда-либо, ибо любовь – великое украшение. У неё были свои девичьи стремления и надежды, и она чувствовала некоторое разочарование от того, как скромно должна была начаться её новая жизнь. Нед Моффат только что женился на Салли Гардинер, и Мэг не могла не сравнивать их прекрасный дом и экипаж, множество подарков на свадьбу и великолепный наряд невесты с теми, что будут у неё, втайне желая иметь то же самое. Но почему-то зависть и недовольство вскоре исчезли, когда она подумала о терпеливой любви и труде, которые Джон вложил в маленький домик, ожидавший её, и когда они сидели вместе в сумерках, обсуждая свои невеликие планы, будущее всегда казалось таким прекрасным и светлым, что она забывала о великолепии Салли и чувствовала себя самой богатой, самой счастливой девушкой во всем христианском мире.

Джо никогда больше не возвращалась к тётушке Марч, так как старая леди так полюбила Эми, что подкупила её предложением брать уроки рисования у одной из лучших преподавательниц живописи, и ради этой привилегии Эми служила бы и гораздо более суровой хозяйке. Поэтому она отдавала утро долгу, а вторую половину дня – удовольствиям и прекрасно преуспевала. Джо тем временем посвятила себя литературе и заботе о Бет, все еще не окрепшей после того, как лихорадка ушла в прошлое. Все еще слабая, она уже не походила на то розовое, здоровое создание, каким была прежде, но неизменно оставалась полной надежд, счастья, безмятежности, предаваясь своим любимым тихим занятиям, она стала другом для всех и ангелом дома задолго до того, как об этом узнали любящие её больше всего на свете.

Всё то время, пока «РАСПРОСТЁРТЫЙ ОРЁЛ» платил доллар в месяц за её «чепуху», как она это называла, Джо чувствовала себя состоятельной женщиной и старательно сочиняла свои маленькие романтические новеллы. Но великие планы бродили в её предприимчивой и честолюбивой голове, и старая жестяная жаровня на чердаке хранила медленно увеличивающуюся стопку измаранных чернильными пятнами рукописей, которые в один прекрасный день должны были поместить фамилию Марч в список знаменитостей.

Лори, послушно поступивший в колледж, чтобы угодить деду, теперь легко справлялся с учёбой, приносившей ему удовольствие. Он был всеобщим любимцем благодаря деньгам, манерам, различным талантам и добрейшему сердцу, из-за чего нередко попадал в неприятные ситуации, пытаясь вызволить из них других людей. Существовала большая опасность, что Лори будет избалованным и, вероятно, он стал бы таким, подобно многим другим подающим надежды юношам, если бы не имел талисман против зла в виде мыслей о добром старике, которому он был обязан своим успехом, о матушке Марч, которая заботилась о нём, как о родном сыне, и, наконец, но не в последнюю очередь, в виде осознания того, что четыре невинные девушки любят, уважают его и верят в него всем сердцем.

Будучи всего лишь «славным парнем», он, разумеется, резвился и флиртовал, становился щеголеватым, модным, чувственным или физически развитым, как диктовала университетская мода, он подшучивал над другими и сам становился объектом шуток, говорил на жаргоне и не раз был на грани отчисления. Но так как приподнятое настроение и любовь к забавам были причинами его шалостей, ему всегда удавалось спастись благодаря чистосердечному признанию, честному искуплению или непреодолимой силе убеждения, которой он владел в совершенстве. На самом деле он гордился тем, что ему удавалось избежать последствий, и любил пощекотать нервы девушек красочными рассказами о своих победах над гневными наставниками, скучными профессорами и поверженными врагами.

Однокашники Лори были героями в глазах девушек, которые никогда не уставали слушать о подвигах «его товарищей», и им часто позволялось купаться в улыбках этих великих созданий, когда Лори привозил их погостить в свой дом.

Эми особенно наслаждалась столь же высокой честью и стала среди друзей Лори настоящей царицей бала, ибо её светлость рано осознала присущий ей дар очарования и научилась им пользоваться. Мэг была поглощена своей личной

жизнью и особенно Джоном, не замечая других венцов творения, Бет – слишком застенчива, чтобы решиться на большее, чем подглядывать за другими и удивляться, что Эми осмеливалась командовать молодыми людьми, а Джо чувствовала себя вполне в своей стихии среди юношей, хотя ей было очень трудно удержаться от подражания манерам джентльменов, их фразам и подвигам, которые казались ей более естественными, чем приличия, предписанные молодым леди. Всем юношам очень нравилась Джо, но они никогда не влюблялись в неё, и лишь очень немногие избежали подношений в виде пары-тройки сентиментальных вздохов на алтарь благоговения перед Эми. И вполне естественно, что, рассуждая о чувствах, мы перейдём к рассказу о «Голубятне».

Так назывался маленький коричневый домик, подготовленный мистером Бруком в качестве первого жилища для Мэг. Лори окрестил его так, сказав, что дом очень подходит для нежных влюблённых, которые «живут вместе, как пара горлиц, сначала целуясь клювиками, а потом воркуя».

Это был крошечный домик, с небольшим садиком позади него и лужайкой перед окнами размером с носовой платок. Здесь Мэг намеревалась устроить фонтан, аллею с кустарником и посадить множество прелестных цветов, хотя сейчас фонтан представлял собой обветшалую урну, очень похожую на неопрятное помойное ведро, аллея с кустарником состояла из нескольких молодых лиственниц, которые находились между жизнью и смертью, а на обилие цветов лишь намекал частокол из палочек, отмечавших места, где посажены семена. Но внутри домик был совершенно очарователен, и от чердака до подвала счастливая невеста не видела в нём никаких недостатков. По правде говоря, передняя была очень тесной, и им повезло, что у них не было фортепиано, потому что инструмент никогда не поместился бы в ней, столовая была так мала, что шесть человек с трудом бы в неё втиснулись, а кухонная лестница, казалось, была построена специально для того, чтобы слуги и фарфоровая посуда падали с неё в ящик с углем. Но если привыкнуть к этим незначительным изъянам, то ничто не могло выглядеть более цельным, ибо расстановка мебели подчинялась здравому смыслу и хорошему вкусу, что дало в высшей степени удовлетворительный результат. В маленькой гостиной не было ни столиков с мраморными столешницами, ни высоких зеркал, ни кружевных занавесок, но простая мебель, множество книг, одна-две прекрасные картины, подставка с цветами в эркере и расставленные тут и там красивые безделушки, подаренные хозяевам друзьями и казавшиеся прекраснее из-за того, что олицетворяли собой пожелания любви.

Я не думаю, что Психея из паросского мрамора, подаренная Лори, утратила свою красоту из-за скобы, которой Джон приладил её к стене, и что любой драпировщик мог бы украсить помещение простыми муслиновыми занавесками более изящно, чем это сделали руки художницы Эми, или что любая кладовая когда-либо была заполнена более добрыми пожеланиями, шутками и счастливыми надеждами, чем та, куда Джо и её мать поместили несколько коробок, бочонков и свёртков Мэг, и вообще, я уверена, что новая идеально чистая кухня не выглядела бы такой уютной и опрятной, если бы Ханна не переставила все кастрюли и сковородки по дюжине раз и не разложила дрова в очаге, чтобы разжечь их в тот самый момент, когда «Миссис Брук войдёт в дом». Я также сомневаюсь, что какая-нибудь молодая замужняя женщина когда-либо начинала жизнь с такого богатого запаса тряпочек, подстаканников и мешочков, потому что Бет сделала их столько, что хватило бы до серебряной свадьбы, и изобрела три разных вида кухонных полотенец, чтобы быстро обтирать свадебный фарфор.

Люди, берущие всё это напрокат, не знают, что теряют, потому что самые обычные домашние дела становятся прекраснее, если их выполняют любящие руки, и Мэг нашла так много доказательств этому, что всё в её маленьком гнёздышке, от держателя для кухонного полотенца до серебряной вазы на столе в гостиной, красноречиво говорило о царящей в доме любви и нежной предусмотрительности хозяев.

Какие счастливые часы они проводили вместе, с каким важным видом они отправлялись за покупками, какие смешные ошибки совершали и какие взрывы смеха вызывали нелепые покупки Лори! В своей любви к шуткам этот молодой джентльмен, хотя и окончивший колледж, оставался сущим мальчишкой. Его последней причудой было приносить с собой во время еженедельных визитов какую-нибудь новую, полезную и оригинальную вещицу для молодой домохозяйки. Как то: мешок с необычными прищепками для белья, чудесная тёрка для мускатного ореха, которая развалилась на куски при первом же испытании, очиститель для ножей, который испортил их все, или механическая щётка, которая ловко снимала ворс с ковра и при этом оставляла нетронутой грязь, эффективное мыло, от которого кожа сходила с рук, надёжный клей, который накрепко склеивал только пальцы обманутого покупателя, и всевозможная жестяная посуда, от игрушечной копилки для мелочи до чудесного котла для стирки белья паром, у которой были все шансы взорваться в процессе работы.

Напрасно Мэг умоляла его остановиться. Джон смеялся над ним, а Джо называла его «мистер Тудл»[1 - Мистер Тудл – персонаж романа Ч. Диккенса «Домби и сын».]. Он был одержим манией покровительствовать изобретательности янки и видеть, что его друзья оснащены всем необходимым. Так каждую неделю совершалась какая-нибудь новая нелепость.

Наконец все приготовления были закончены, вплоть до того, что Эми разложила разноцветное мыло в соответствии с разными цветами комнат, а Бет накрыла стол для первой трапезы.

«Ты довольна? Ты чувствуешь себя здесь как дома и что вы будете здесь счастливы?» – спросила миссис Марч, когда шла под руку с дочерью по новому владению, потому что в этот момент они, казалось, были ещё крепче связаны друг с другом, чем когда-либо.

«Да, мама, совершенно довольна, спасибо вам всем, и я так счастлива, что не могу передать словами», – ответила Мэг, и ее взгляд был гораздо красноречивее слов.

«Ей бы ещё пару служанок, тогда всё было бы в порядке», – сказала Эми, выходя из гостиной и пытаясь определить, где лучше смотрится бронзовая фигурка Меркурия – на этажерке или на каминной полке.

«Мы с мамой всё обсудили, и я решила сначала попробовать вести хозяйство так, как делала она. Здесь вряд ли найдётся много дел, но у меня будет достаточно работы, чтобы не облениться и не затосковать по дому, а Лотти будет выполнять мои поручения и немного мне помогать», – спокойно ответила Мэг.

«У Салли Моффат их четыре», – начала Эми.

«Если бы у Мэг было четыре служанки, дом бы их не вместил, и хозяину с хозяйкой пришлось бы разбить палатку в саду», – вмешалась Джо, которая, обернувшись большим синим передником, наводила последний блеск на дверные ручки.

«Салли замужем не за бедняком, и иметь много служанок вполне соответствует её высокому положению. Мэг и Джон начинают семейную жизнь скромно, но у меня такое чувство, что в маленьком доме будет столько же счастья, сколько и в

большом. Молодые девушки, подобные Мэг, совершают большую ошибку, когда они ничего не делают, кроме как меняют наряды, отдают распоряжения и сплетничают. Когда я только вышла замуж, мне очень хотелось, чтобы моя новая одежда скорее износилась или порвалась, чтобы я могла с удовольствием чинить её, потому что мне тогда ужасно надоело заниматься рукоделием и заботиться лишь о состоянии своего носового платка».

«Почему же вы не отправились на кухню, чтобы приготовить «кушанья», как, по словам Салли, она поступает, чтобы развлечься, хотя у неё никогда ничего не получается, и слуги над ней смеются», – сказала Мэг.

«Я туда и отправилась спустя некоторое время, но не для того, чтобы готовить «кушанья», а чтобы научиться у Ханны, как это нужно делать, чтобы у слуг не было повода смеяться надо мной. Тогда это казалось игрой, но пришло время, когда я была искренне благодарна, что у меня есть не только желание, но и возможность готовить здоровую пищу для моих маленьких девочек и справляться своими силами, если я буду не в состоянии нанять себе помощников. Ты начинаешь не с того конца, Мэг, дорогая, но уроки, которые ты получишь сейчас, со временем пригодятся тебе, когда Джон разбогатеет, потому что хозяйка дома, каким бы роскошным он ни был, должна знать, как следует работать, если она хочет, чтобы ей хорошо и честно служили».

«Да, мама, я это понимаю, – сказала Мэг, внимательно выслушав это маленькое поучение, так как даже лучшая из женщин любит порассуждать о всепоглощающем предмете домашнего хозяйства. – Знаете, эта комната в моём игрушечном домике мне нравится больше всего», – добавила Мэг через минуту, когда они поднялись наверх, и она заглянула в свой доверху заполненный бельевой шкаф.

Там была Бет, которая аккуратно раскладывала снежно-белые кипы белья на полках, радуясь такому прекрасному порядку. Все трое засмеялись, когда Мэг заговорила, потому что этот бельевой шкаф был объектом всеобщих шуток. Видите ли, заявив, что если Мэг выйдет замуж за «этого Брука», то не получит ни цента из её денег, тётушка Марч оказалась в неловком положении, когда время усмирило её гнев, заставив раскаяться в данном обете. Она никогда не нарушала своего слова и много размышляла над тем, как бы ей обойти это затруднение, и в конце концов придумала план, который мог бы её удовлетворить. Миссис Кэррол, матушке Флоренс, было велено купить, сшить и пометить щедрый запас постельного и столового белья, а затем прислать его в

подарок на свадьбу; всё это было добросовестно исполнено, но тайна просочилась наружу, и семья очень обрадовалась, потому что тётя Марч старалась выглядеть совершенно непричастной и настаивала, что не может подарить на свадьбу ничего, кроме старомодного жемчуга, давно обещанного первой невесте.

«Это очень по-домовитому, и мне приятно это видеть. У меня была молодая подруга, которая начала вести хозяйство всего лишь с шестью простынями, но зато у неё были чаши для ополаскивания пальцев гостей, и это её устраивало», – сказала миссис Марч, поглаживая камчатные скатерти и, как истинная женщина, восхищаясь их качеством.

«У меня нет ни одной чаши для ополаскивания пальцев, но этого запаса белья мне хватит на всю жизнь, как говорит Ханна», – и вид у Мэг был вполне довольный, как и следовало ожидать.

Высокий, широкоплечий молодой человек, с коротко остриженными волосами, в фетровой шляпе, похожей на тазик, и развевающемся пальто, громко протопал по дороге широкими шагами, и, не желая останавливаться, чтобы открыть калитку, перемахнул через низкий забор, приблизился прямо к миссис Марч, протянув к ней обе руки и сердечно сказал:

«А вот и я, мама! Да, у меня всё в порядке».

Последние слова были ответом на взгляд немолодой леди, добродушный, вопросительный взгляд, который красивые глаза юноши встретили так открыто, что небольшая церемония приветствия завершилась, как обычно, материнским поцелуем.

«Для миссис Джон Брук, с поздравлениями и поклоном от изготовителя. Благослови тебя Бог, Бет! Что за забавный вид, Джо? Эми, ты становишься слишком красивой для незамужней леди».

Пока Лори говорил, он передал Мэг свёрток в коричневой бумаге, дёрнул Бет за ленту для волос, уставился на передник Джо и с притворным восторгом застыл перед Эми, затем пожал всем руки, и начался разговор.

«А где Джон?» – с тревогой спросила Мэг.

«Задержался, чтобы получить разрешение[2 - Разрешение на заключение брака.] на завтра, мэм».

«Какая команда выиграла последний матч, Тедди?» – спросила Джо, которая, несмотря на свои девятнадцать лет, продолжала испытывать интерес к мужским видам спорта.

«Наши, конечно. Жаль, что тебя там не было».

«Как поживает прелестная мисс Рэндал?» – спросила Эми с многозначительной улыбкой.

«Стала ещё суровее, чем раньше. Разве ты не видишь, как я чахну?» – и Лори звонко хлопнул себя по широкой груди, издав мелодраматический вздох.

«Что за новый сюрприз? Развяжи узел и посмотри, Мэг», – сказала Бет, с любопытством разглядывая бугристый свёрток.

«Это полезная вещь в доме на случай пожара или воров», – заметил Лори, когда в разгар девичьего смеха появилась трещотка сторожа.

«В любое время, когда Джон уедет и вы испугаетесь, миссис Мэг, просто помашите ею из фасадного окна, и она мигом разбудит всю округу. Отличная вещь, не правда ли?» – Лори показал им, как она работает, что заставило их заткнуть уши.

«Вот тебе и благодарность! И говоря о благодарности, я должен упомянуть, что ты можешь сказать спасибо Ханне за то, что она спасла ваш свадебный торт от уничтожения. Я видел, как его вносили в ваш дом, когда проходил мимо, и если бы она мужественно не защищала его, я бы попробовал кусочек, потому что он выглядел весьма аппетитно».

«Интересно, Лори, вырастешь ли ты когда-нибудь», – сказала Мэг тоном почтенной матроны.

«Я стараюсь изо всех сил, мэм, но боюсь, что не смогу стать выше, так как шесть футов – это почти всё, на что способен мужчина в наше время вырождения», –

ответил молодой джентльмен, чья голова почти касалась маленькой люстры под потолком.

«Полагаю, было бы кощунством есть что-либо в этой маленькой беседке, так что, поскольку я ужасно голоден, предлагаю сделать перерыв», – тут же добавил он.

«Мы с мамой дождёмся Джона. Остались кое-какие мелочи», – сказала Мэг, торопливо удаляясь.

«Мы с Бет идём к Китти Брайант, чтобы купить ещё цветов на завтра», – добавила Эми, водружая живописную шляпку поверх своих живописных кудрей и наслаждаясь этим зрелищем не меньше остальных.

«Ну же, Джо, не бросай друга. Я так ослаб, что не могу дойти до дома без посторонней помощи. Не снимай фартук, чем бы ты ни занималась, он тебе очень идёт», – сказал Лори, когда Джо спрятала предмет его особого отвращения в свой вместительный карман и протянула руку, чтобы поддержать этого еле шагающего молодого человека.

«А теперь, Тедди, я хочу серьёзно поговорить с тобой о завтрашнем дне, – начала Джо, когда они вместе удалились. – Ты должен пообещать мне, что будешь вести себя хорошо, не станешь устраивать никаких розыгрышей и не испортишь наши планы».

«Ни одного розыгрыша!»

«И не шути, когда мы должны быть серьёзными».

«Я никогда не шучу. Это ты шутишь».

«И я умоляю тебя не смотреть на меня во время церемонии. Я не удержусь и рассмеюсь, если ты это сделаешь».

«Ты меня не разглядишь, ты будешь так сильно плакать, что густой туман вокруг тебя скроет весь обзор».

«Я никогда не плачу, разве что из-за какого-нибудь крупного несчастья».

«Например, когда твои друзья уезжают учиться в колледж, а?» – вставил Лори с многозначительным смешком.

«Не зазнавайся. Я только слегка похныкала за компанию с девочками».

«Вот именно. Послушай, Джо, как дедушка на этой неделе? Вполне дружелюбный?»

«Очень. Ты что, попал в передрягу и хочешь знать, как он это воспримет?» – довольно резко спросила Джо.

«Ну же, Джо, как ты думаешь, я бы мог глядеть в глаза твоей матери и говорить «у меня всё в порядке», если бы это было не так?» – и Лори внезапно остановился, выглядя обиженным.

«Нет, не думаю».

«Тогда не будь подозрительной. Я только хочу попросить немного денег» – сказал Лори, снова идя вперёд, умиротворённый её сердечным тоном.

«Ты много тратишь, Тедди».

«Господь с тобой, я не трачу деньги, они тратятся сами собой и исчезают прежде, чем я успеваю это осознать».

«Ты так великодушен и добр, что даёшь людям взаймы и никому не можешь отказать. Мы слышали о Хеншоу и обо всём, что ты для него сделал. Если бы ты всегда тратил деньги именно так, никто бы тебя не осуждал», – тепло сказала Джо.

«О, он сделал из мухи слона. Вы же не хотите, чтобы я позволил этому славному парню изнурять себя работой до смерти только из-за того, что он нуждается в небольшой поддержке, а сам стоит дюжины наших лентяев, я прав?»

«Конечно, но я не вижу смысла в покупке семнадцати жилетов, кучи галстуков и новой шляпы каждый раз по возвращении домой. Я думала, что ты уже пережил

период дендизма, но время от времени это проявляется в новой форме. Сейчас вошло в моду уродовать себя, стричь волосы под жёсткую щётку, носить обтягивающую одежду, похожую на смирительную рубашку, оранжевые перчатки и ботинки на толстой подошве с квадратными мысами. Если бы это было дёшево, я бы ничего не говорила, но это стоит не дешевле других вещей, и меня это совершенно не устраивает».

Лори запрокинул голову и так искренне расхохотался над этими нападками, что фетровая шляпа упала, и Джо наступила на неё. Это оскорбление лишь дало ему возможность рассуждать о преимуществах готового и кое-как сшитого костюма, при этом он сложил злосчастную шляпу и сунул её в карман.

«Не читай мне больше нотаций, будь другом! Я всю неделю их выслушиваю, и я хочу отдохнуть, когда приезжаю домой. Я наряжусь завтра, не считаясь с расходами, и порадую своих друзей».

«Я оставлю тебя в покое, если только ты отрастишь волосы. Я не аристократка, но мне не хочется, чтобы меня видели в обществе человека, похожего на молодого боксёра», – строго заметила Джо.

«Этот непритязательный стиль способствует учёбе, вот почему мы выбрали его», – возразил Лори, который, конечно, не мог быть обвинён в тщеславии, добровольно пожертвовав красивыми кудрями ради щетины длиной в четверть дюйма.

«Кстати, Джо, я думаю, что малыш Паркер действительно теряет голову из-за Эми. Он постоянно говорит о ней, пишет стихи и ходит как лунатик с самым подозрительным видом. Ему лучше подавить свою маленькую страсть в зародыше, правда?» – добавил Лори доверительным тоном старшего брата после минутного молчания.

«Конечно. Нам не нужно больше свадеб в этой семье в ближайшие годы. Господи, о чём только думают эти дети?» – Джо выглядела настолько шокированной, как будто Эми и малыш Паркер ещё даже не достигли подросткового возраста.

«Это беспутный век, и я не знаю, что нас ждёт впереди, мэм. Ты ещё совсем ребёнок, но ты выйдешь замуж следующей, Джо, и мы все будем оплакивать

тебя», – покачал головой Лори, осуждая испорченность нравов.

«Не волнуйся. Я не из тех, с кем приятно общаться. Никто не захочет взять меня в жёны, и это благо, потому что в семье всегда должна быть одна старая дева».

«Ты никому не дашь шанса, – сказал Лори, искоса взглянув на неё, и было заметно, что, несмотря на свой загар, он чуть покраснел. – Ты не показываешь мягкую сторону своего характера, а если кто-то случайно её заметит и не сможет не показать, что ему это понравилось, ты обходишься с ним, как миссис Гаммидж[3 - Персонаж романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд»; отличалась желчным, мрачным нравом.] со своим возлюбленным: обливаешь его холодной водой и становишься такой колючей, что никто не смеет ни прикоснуться к тебе, ни взглянуть на тебя».

«Мне не нравятся такие вещи. Я слишком занята, чтобы волноваться о всякой ерунде, и мне кажется, что это ужасно – так разбивать семью. И больше не говори мне об этом. Свадьба Мэг вскружила нам головы, и мы говорим только о влюблённых и прочей ерунде. Я не хочу сердиться, так что давай сменим тему». – И Джо, похоже, уже была готова принять в штыки малейшую провокацию.

Какими бы ни были чувства Лори, он нашёл для них выход, издав протяжный негромкий свист и сделав страшное предсказание, когда они расставались у ворот: «Помяни моё слово, Джо, ты выйдешь замуж следующей».

Глава 2. Первая свадьба

Июньские розы у крыльца в это утро проснулись весело и рано, искренне радуясь безоблачному солнечному свету, как добрые маленькие соседи людей. Зардевшись, словно от волнения, они раскачивались на ветру, шепча друг другу о том, что видели в доме, потому что одни заглядывали в окна столовой, где был накрыт праздничный стол, другие взбирались повыше, чтобы кивнуть и улыбнуться сёстрам, когда те одевали невесту, третьи приветственно махали тем, кто приходил и уходил по разным поручениям в сад, на крыльцо и в переднюю, и все цветы, от ярко-розового, полностью распустившегося цветка до бледного бутона, дарили красоту и благоухание своей доброй хозяйке, которая

любила их и заботилась о них так долго.

Мэг сама была очень похожа на розу, потому что всё самое лучшее и милое в её сердце и душе, казалось, отразилось в этот день на её лице, сделав его прекрасным и нежным, добавив очарования, более великолепного, чем красота. Ни шёлка, ни кружев, ни флёрдоранжа у неё не было.

«Я не хочу модной свадьбы, я соберу вокруг себя только тех, кого люблю, – для них мне хочется выглядеть и быть самой собой».

Поэтому она сшила свадебное платье своими руками, вложив в него нежные надежды и невинную романтику девичьего сердца. Сёстры заплели её красивые волосы в косы и уложили в красивую причёску, и единственным украшением её наряда были ландыши, которые «её Джон» любил больше всех цветов, растущих в саду.

«Ты выглядишь по-прежнему, как наша дорогая Мэг, только такая милая и прелестная, что я обняла бы тебя, если бы не боялась помять свадебное платье», – воскликнула Эми, с восторгом глядя на неё, когда приготовления были завершены.

«Тогда я довольна. Но, пожалуйста, обнимите и поцелуйте меня, все до единой, и не беспокойтесь о платье. Я хочу, чтобы сегодня на нём было очень много таких складок». – И Мэг раскрыла объятия сёстрам, которые на мгновение прижались к её щекам лицами, мокрыми от слёз счастья, и чувствуя, что новая любовь Мэг не заменила старую в её душе.

«Сейчас я завяжу Джону галстук, а потом побуду несколько минут с отцом в кабинете», – и Мэг побежала вниз, чтобы исполнить эти маленькие ритуалы, а затем сопровождать мать, куда бы та ни пошла, сознавая, что, несмотря на улыбающееся материнское лицо, её сердце скрывало тайную печаль, оттого что первый птенец покидает гнездо.

Пока младшие девочки стоят рядом друг с другом, придавая последние штрихи своим простеньким нарядам, возможно, настало время рассказать о некоторых переменах, которые привнесли в их внешность три года, потому что в этот день они все были при параде.

Угловатость Джо значительно смягчилась, она научилась вести себя непринуждённо, если не сказать изящно. Её кудряшки отросли и превратились в густые волнистые локоны, больше подходящие к маленькой головке, венчающей высокую фигуру. На её смуглых щеках играл здоровый румянец, в глазах появился мягкий блеск, и в этот день только нежные слова слетали с её обычно острого язычка.

Бет стала худой, бледной и ещё более тихой, чем раньше. Красивые, добрые глаза, казалось, стали больше, и в них появилось такое выражение, которое может огорчить окружающих, хотя само по себе оно не печально. Тень боли с таким трогательным терпением легла на юное лицо, хотя Бет редко жаловалась и всегда с надеждой говорила, что «скоро ей станет лучше».

Эми по праву считалась «цветком семьи», потому что в шестнадцать лет у неё были вид и осанка взрослой женщины, хотя она не была красавицей, но обладала тем неописуемым очарованием, которое называется грацией. Это чувствовалось в линиях её фигуры, в движениях рук, в форме складок на платье, в волнах её волос, – её изящество было неосознанным, но гармоничным и столь же притягательным для многих, как истинная красота. Нос Эми всё еще огорчал её, так как было очевидно, что он никогда не станет греческим, как и рот, – он был слишком широким, а подбородок – волевым. Эти обидные черты придавали изюминку всему её лицу, но она никогда не могла этого оценить и утешала себя тем, что обладала удивительно белой кожей, проницательными голубыми глазами и кудрями, которые стали более золотыми и пышными, чем раньше.

Все три сестры были в тонких серебристо-серых костюмах (своих лучших летних нарядах), с алеющими розами в волосах и на груди, и все они выглядели именно такими, какими были на самом деле, – румяными, счастливыми девушками, которые на мгновение оторвались от своих напряжённых занятий, чтобы задумчиво прочесть самую милую главу в романе о женственности.

Свадьба планировалась без каких-либо пышных церемоний, всё должно было проходить как можно более естественно и по-домашнему, поэтому, когда приехала тётушка Марч, она была шокирована, увидев, как невеста сама бежит приветствовать её и ведёт в дом, как жених самостоятельно закрепляет упавшую гирлянду, и краем глаза заметила отца-священника, чинно шествующего вверх по лестнице с серьёзным выражением лица, неся по бутылке вина под мышками.

«Бог мой, что же тут творится! – воскликнула старая леди, усаживаясь на приготовленное для неё почётное место и с громким шорохом расправляя складки своего платья из лилового муара. – Тебя не должны видеть до последней минуты, дитя моё».

«Я не позёрка, тётушка, и сюда не придут те, кто станет разглядывать меня, критиковать моё платье или подсчитывать стоимость моего свадебного обеда. Я слишком счастлива, чтобы беспокоиться о том, что кто-то скажет или подумает, и я собираюсь устроить свою маленькую свадьбу так, как мне нравится. Джон, дорогой, вот твой молоток», – и Мэг отправилась помогать «этому человеку» в его крайне неподобающем жениху занятии.

Мистер Брук даже не сказал «спасибо», но, наклонившись, чтобы забрать этот неромантичный инструмент, поцеловал свою невестушку за складывающейся дверью и так посмотрел на неё, что тётя Марч внезапно выхватила из кармана носовой платок и на острые глаза старушки навернулись слёзы.

Грохот, крик и смех Лори, сопровождавшиеся неблагопристойным восклицанием: «Юпитер Амон[4 - В античной литературе египетский бог Амон иногда отождествлялся с римским Юпитером.]! Джо опять опрокинула торт!» – мгновенно вызвали переполох, который едва успел улечься, как явилась стайка кузин и «вечеринка пришла», как в детстве говорила Бет.

«Пускай этот юный великан держится от меня подальше, он беспокоит меня больше, чем комары», – прошептала старая леди Эми, когда комнаты заполнились гостями, над которыми возвышалась чёрная голова Лори.

«Он обещал сегодня очень хорошо себя вести, ведь он, если захочет, может быть очень галантным», – ответила Эми и ускользнула, чтобы предупредить Геркулеса не приближаться к дракону. Вопреки этому напутствию он стал неотступно преследовать старую леди, что почти сводило её с ума.

Свадебной процессии не было, но когда мистер Марч и молодая пара заняли свои места под свадебной зелёной аркой, в комнате воцарилась внезапная тишина. Мать и сёстры придвинулись друг к другу, словно не желая расставаться с Мэг. Отеческий голос не раз срывался, что, казалось, только делало церемонию ещё прекраснее и торжественнее. Руки жениха заметно дрожали, и никто не расслышал его ответа. Но Мэг посмотрела прямо в глаза

мужу и сказала: «Я согласна!» с таким нежным доверием в лице и голосе, что сердце её матери возрадовалось, а тётушка Марч громко шмыгнула носом.

Джо не плакала, хотя один раз была очень близка к этому, и от проявления эмоций её спасло только сознание, что Лори пристально смотрит на неё с забавной смесью веселья и волнения в озорных чёрных глазах. Бет прятала лицо на плече матери, а Эми стояла, как грациозная статуя, и солнечный лучик, который был ей очень к лицу, касался её белого лба и цветка в волосах.

Боюсь, это было не к месту, но в тот момент, когда Мэг была обвенчана, она воскликнула: «Первый поцелуй мамочке!» – и, повернувшись к матери, от всего сердца поцеловала её. В течение следующих пятнадцати минут она выглядела ещё более похожей на розу, чем когда-либо, потому что все в полной мере воспользовались привилегией поздравить невесту, от мистера Лоуренса до старой Ханны, которая, украшенная дивным головным убором, накинулась на неё в холле, рыдая и восклицая: «Благослови тебя Господи, голубушка, сто раз! Торт нисколечко не пострадал, и всё выглядит прекрасно».

Затем все успокоились и сказали что-то искромётное, или попытались сказать, что было очень кстати, потому что смех не заставит себя ждать, когда на сердце светло. Не было никакого смотра подарков, потому что их все уже отнесли в маленький домик, не было и изысканного обеда, только обильный завтрак, состоявший из торта и фруктов, украшенных цветами. Мистер Лоуренс и тётя Марч пожали плечами и улыбнулись друг другу, когда оказалось, что вода, лимонад и кофе – это единственные виды нектара, которые подавали гостям три Гебы[5 - Богиня юности в древнегреческой мифологии.]. Никто не сказал ни слова, пока Лори, настоявший на том, чтобы обслужить невесту, не появился перед ней с полным подносом в руке и озадаченным выражением лица.

«Джо, случайно, не разбила все бутылки? – прошептал он, – Или я просто пребываю в заблуждении, что сегодня утром видел пропавшие бутылки лежавшими без присмотра?»

«Нет, твой дедушка действительно любезно предоставил нам своё самое лучшее вино, и тётя Марч прислала несколько бутылок, но отец отложил немного для Бет, а всё остальное отправил в солдатский госпиталь. Ты же знаешь, он считает, что вино следует употреблять только во время болезни, а мама говорит, что ни она, ни её дочери никогда не предложат его ни одному молодому человеку под крышей нашего дома».

Мэг говорила серьёзно и ожидала, что Лори нахмурится или рассмеётся, но он не сделал ни того, ни другого, потому что, бросив на неё быстрый взгляд, сказал в своей порывистой манере: «Мне это по душе! Потому что я видел достаточно зла от вина, и хочу, чтобы другие женщины думали так же, как вы».

«Надеюсь, ты научен не личным опытом?» – и в голосе Мэг послышались тревожные нотки.

«Нет. Даю тебе слово. Не нужно думать обо мне слишком хорошо, однако вино не является одной из моих слабостей. Я жил в стране, где вино пьют, как воду, и оно почти так же безвредно, но мне оно не нравится, хотя когда хорошенькая девушка предлагает выпить, не хочется отказываться».

«Но откажись – ради других, если не ради себя. Ну же, Лори, обещай мне это и дай мне ещё один повод назвать этот день самым счастливым в моей жизни».

Столь внезапное и серьёзное требование заставило молодого человека на мгновение заколебаться, ибо добровольно от чего-то отказаться часто легче, чем терпеть насмешки окружающих. Мэг знала, что если он даст слово, то сдержит его во что бы то ни стало, и, чувствуя свою власть, воспользовалась ею, как истинная женщина, во благо своего друга. Она молчала и выразительно смотрела на него со счастливым видом и улыбкой, словно говоря: «Сегодня мне никто ни в чём не может отказать».

Лори, конечно, не мог отказать, и, улыбаясь в ответ, протянул ей руку, сердечно сказав: «Спасибо тебе, большое-большое спасибо».

«А я подниму тост за долговечность твоего решения, Тедди», – воскликнула Джо, взмахнув бокалом и одобрительно улыбаясь ему, и окропила его брызгами лимонада, словно производя обряд крещения.

Итак, они выпили за это, клятва была произнесена и неукоснительно исполнена, несмотря на множество соблазнов, ибо девушки воспользовались счастливой минутой с присущей им мудростью, чтобы оказать своему другу услугу, за которую он благодарил их потом всю свою жизнь.

После обеда гости прогуливались по двое и по трое по дому и саду, наслаждаясь солнечным светом внутри и снаружи дома. Мэг и Джон стояли вместе посреди лужайки, когда Лори охватило вдохновение, придавшее последний штрих этой немодной свадьбе.

«Все женатые люди, возьмитесь за руки и танцуйте вокруг молодожёнов, как это делают немцы, а мы, холостяки и незамужние девицы, будем парами плясать по внешнему кругу!» – воскликнул Лори, прохаживаясь по дорожке с Эми, и затем пустился с ней в пляс так заразительно и ловко, что все остальные безропотно последовали их примеру. Мистер и миссис Марч, тётя и дядя Кэррол начали первыми, остальные быстро к ним присоединились, даже Салли Моффат, после минутного колебания, перебросила свой шлейф через руку и увлекла Неда в круг. Но кульминацией танца стал выход мистера Лоуренса и тёти Марч: когда статный пожилой джентльмен торжественно подошёл к старой леди скользящим шагом, она сунула трость под мышку и проворно ускакала, чтобы взяться за руки с остальными и танцевать вокруг новобрачных, в то время как молодые люди заполнили сад, как бабочки в летний день.

Когда гости запыхались, импровизированный бал подошёл к концу, и все начали расходиться.

«Я желаю тебе добра, моя дорогая, от всего сердца желаю, но думаю, что ты пожалеешь об этом, – сказала тётя Марч Мэг и добавила, обращаясь к жениху, когда он вёл её к экипажу: – У вас есть сокровище, молодой человек, смотрите, будьте достойны его».

«Это самая прелестная свадьба, на которой я была за целую вечность, Нед, и я не понимаю почему, ведь в ней не было ни капли шика», – заметила миссис Моффат мужу, когда они отъезжали.

«Лори, мой мальчик, если ты когда-нибудь надумаешь сделать что-то подобное, обратись за помощью к одной из этих девчушек, и я буду чрезвычайно рад», – сказал мистер Лоуренс, усаживаясь в своё мягкое кресло, чтобы отдохнуть после утренних волнений.

«Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы угодить вам, сэр», – ответил Лори с необычной сговорчивостью, осторожно отстёгивая букетик, который Джо вставила ему в петлицу.

Маленький домик находился рядом с домом Марчей, и единственным свадебным путешествием Мэг была тихая прогулка с Джоном от старого дома к новому. Когда она спустилась вниз, похожая на хорошенькую квакершу[6 - Квакеры – религиозная христианская секта в Англии и США.] в своём сизом костюме и соломенной шляпке, перевязанной белой лентой, все близкие собрались вокруг неё, чтобы попрощаться так нежно, как будто она собиралась отправиться в далёкое путешествие.

«Не думай, что мы разлучаемся с тобой, дорогая мамочка, или что я стала любить тебя меньше из-за того, что так сильно полюбила Джона, – сказала она, прильнув к матери, и на глаза её моментально навернулись слёзы. – Я буду приходить каждый день, отец, и надеюсь сохранить своё прежнее место в ваших сердцах, хотя я и вышла замуж. Бет собирается проводить со мной много времени, и другие девочки будут иногда заглядывать ко мне, чтобы пошутить над моими попытками вести домашнее хозяйство. Спасибо вам всем за этот счастливый день моей свадьбы. До свидания, до свидания!»

Они стояли и смотрели на неё глазами, полными любви, надежды и нежной гордости, когда она уходила, опираясь на руку мужа, держа охапку цветов, и июньское солнце освещало её счастливое лицо – и так началась замужняя жизнь Мэг.

Глава 3. Творческие поиски

Людям требуется много времени, чтобы научиться видеть разницу между талантом и гениальностью, особенно если это амбициозные молодые женщины или мужчины. Эми училась видеть эту разницу путём многих испытаний, потому что, ошибочно принимая энтузиазм за вдохновение, она с юношеской дерзостью бралась почти за все виды изобразительного искусства. Так как в лепке «куличиков» долгое время продолжалось затишье, Эми посвятила себя тончайшему рисунку пером и чернилами, в котором она проявила такой вкус и мастерство, что её изящные работы оказались и приятными и прибыльными. Но перенапряжение зрения заставило её отложить перо и чернила ради смелой попытки попробовать свои силы в выжигании по дереву.

Пока длился этот порыв, вся семья жила в постоянном страхе перед пожаром, потому что в любое время дня и ночи дом наполнялся запахом горящего дерева, с чердака и из сарая валил дым и распространялся с пугающей частотой; повсюду беспорядочно были разбросаны раскалённые докрасна покеры[7 - В данном случае речь об острых наконечниках прибора для выжигания.], и Ханна никогда не ложилась спать без обеденного колокольчика и не поставив у своей двери ведро с водой на случай пожара. Лицо Рафаэля было рельефно выжжено на обратной стороне разделочной доски, а на пивной бочке – Бахус. На крышке ведёрка с сахаром красовался поющий херувим, а попытки изобразить Ромео и Джульетту какое-то время служили щепками для растопки.

Переход от выжигания к масляным краскам был естественным для обожжённых пальцев, и Эми с неослабевающим рвением принялась за живопись.

Один знакомый художник снабдил её своими палитрами, кистями и красками, и она малевала не покладая рук, изображая пасторальные и морские виды, которых доселе свет не видывал ни на суше, ни на море. Монстры, которые у неё получались вместо домашнего скота, могли бы занять призовые места на сельскохозяйственной ярмарке, а смертельная качка её кораблей вызвала бы морскую болезнь даже у самого опытного в мореплавании зрителя, если бы полное пренебрежение всеми известными правилами судостроения и оснастки не заставило бы его задрожать от смеха с первого же взгляда на картины Эми. Смуглые мальчики и темноглазые Мадонны, уставившиеся на вас из угла студии, напоминали манеру Мурильо[8 - Бартоломео Эстебан Мурильо – севильский живописец XVII в.]. Маслянисто-коричневые тени на лицах с яркой полосой света в неправильных местах походили на Рембрандта. Пышногрудые дамы и младенцы, явно страдающие водянкой, – на Рубенса, а стиль Тёрнера[9 - Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775–1851) – британский пейзажист.] появлялся в шквалах голубых бурь, оранжевых молний, коричневого дождя и пурпурных облаков, с пятном томатного цвета посередине, которое могло быть как солнцем, так и буем, бушлатом матроса или королевской мантией, как угодно зрителю.

Затем последовали портреты углем, и лица всех членов семьи висели на стене в ряд, выглядя такими взъерошенными и покрытыми сажей, как будто их только что достали из угольного ящика. Их черты на карандашных набросках смягчились, и они выглядели лучше, потому что сходство было очевидным, а волосы Эми, нос Джо, рот Мэг и глаза Лори были объявлены «особенно удавшимися». Затем последовало возвращение к глине и гипсу, и слепки её

знакомых, подобно привидениям, наполняли углы дома или падали с полок шкафов людям на головы. В качестве моделей привлекались соседские дети, пока после их бессвязных рассказов о её таинственных деяниях мисс Эми не стали считать чуть ли не юной людоедкой. Однако её творческие поиски в этом направлении внезапно прекратились из-за одного несчастного случая, который охладил её пыл. Так как другие модели некоторое время отсутствовали, она решила сделать слепок своей прелестной ножки, и однажды все члены семьи перепугалась из-за страшного шума и визга и, прибежав на помощь, обнаружили, что юная энтузиастка отчаянно прыгает по сараю с ногой, крепко застрявшей в кастрюле с гипсом, который неожиданно быстро затвердел. Её извлекли с большим трудом и некоторым риском для здоровья Эми, потому что Джо так смеялась, пока пыталась расковырять гипс, что её нож зашёл слишком глубоко, порезал бедную ногу и надолго оставил память, по крайней мере, об одном из творческих начинаний юной художницы.

После этого Эми успокоилась, пока мания рисовать эскизы с натуры не заставила её бродить вдоль реки, в лесу и по полю, чтобы заниматься живописью на пленэре и тосковать по возможности нарисовать руины с натуры. Она постоянно подхватывала простуду, сидя на влажной траве, чтобы сделать набросок какого-нибудь «лакомого кусочка», состоявшего из камня, пня, гриба и сломанного стебля коровяка, или «изумительную груду облаков», которые выглядели в её исполнении как перины, выставленные на продажу в витрине. Она жертвовала своим безукоризненным цветом лица, плавая по реке в лодке под летним солнцем, чтобы научиться искусству светотени, и у неё появилась морщинка меж бровей из-за попыток найти нужный «угол зрения», или как там называется эта тренировка для глаз с приближением и удалением объекта.

Если «гений – это вечное терпение», как утверждает Микеланджело, то Эми вполне могла претендовать на обладание этим божественным качеством, поскольку она, несмотря на все препятствия, неудачи и разочарования, твёрдо верила, что со временем она просто обязана создать нечто, что можно было бы назвать «высоким искусством».

Тем временем она училась, занималась и наслаждалась другими вещами, потому что решила стать привлекательной и образованной женщиной, даже если никогда не станет великой художницей. И здесь она больше преуспела, потому что была из тех счастливых созданий, которые могут нравиться, не прилагая к этому усилий, везде заводят друзей и принимают жизнь так изящно и легко, что менее удачливые люди склонны полагать, будто такие счастливчики рождены в

рубашке. Её все любили, потому что одним из её лучших достоинств было чувство такта. Благодаря внутреннему чутью она знала, что может быть приятным и правильным, так как она всегда говорила то, что нужно и кому нужно, делала то, что было своевременным и уместным, и она была так уверена в себе, что её сёстры обычно говорили: «Если бы Эми пришлось явиться в суд без всякой подготовки, она бы и тогда точно знала, как себя вести».

Одной из её слабостей было желание вращаться в «нашем лучшем обществе», не будучи до конца уверенной в том, какое общество на самом деле является лучшим. Деньги, высокое положение, светское воспитание и изысканные манеры были пределом её мечтаний, и ей нравилось общаться с теми, кто обладал всем этим, хотя она часто ошибочно принимала ложное за истинное и восхищалась тем, что недостойно восхищения. Всегда помня о своём благородном происхождении, она воспитывала в себе аристократические вкусы и чувства, чтобы, когда представится возможность, быть готовой занять место, сейчас недоступное из-за бедности. «Миледи», как называли её подруги, искренне желала стать настоящей леди и была таковой в глубине души, но ей ещё только предстояло узнать, что за деньги нельзя купить утончённость натуры, что высокое положение не всегда обеспечивает благородство души, а истинное воспитание даёт о себе знать, даже несмотря на внешние недостатки.

«Я хочу попросить вас об одолжении, мама», – сказала Эми, войдя однажды в комнату с важным видом.

«Да, девочка моя, в чём дело?» – спросила её мать, в чьих глазах эта статная барышня по-прежнему оставалась «малышкой».

«Наш курс рисования заканчивается на следующей неделе, и, прежде чем девочки разъедутся на летние каникулы, я хочу пригласить их сюда на денёк. Им не терпится увидеть реку, сделать эскизы развалин моста и скопировать некоторые наброски, которые им понравились в моём альбоме. Они были очень добры ко мне во многих отношениях, и я благодарна им за это, потому что все они богаты, а я знаю, что бедна, но это никогда не имело для них значения».

«А разве это должно иметь для них значение?» – Этот вопрос миссис Марч задала с выражением лица, который дочери называли «вид Марии-Терезии[10 - Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристина (1717–1780) – эрцгерцогиня Австрийская.]».

«Вы не хуже меня знаете, что это имеет значение почти для всех, так что не горячитесь, как любящая и заботливая наседка, когда её цыплят клюют птицы посильнее. Гадкий утёнок ещё превратится в лебедя, вы же знаете». – И Эми улыбнулась без горечи, потому что у неё был весёлый нрав и оптимистичная натура.

Миссис Марч рассмеялась и, подавив свою материнскую гордость, спросила: «Ну, мой лебедь, каков твой план?»

«Я хотела бы пригласить девочек на ланч на следующей неделе, чтобы отвезти их туда, где они хотят побывать, например, покататься на лодке по реке, и устроить для них небольшой творческий праздник».

«Это вполне осуществимо. Что ты хочешь на обед? Торт, бутерброды, фрукты и кофе – этого хватит, я полагаю?»

«О Боже, нет! Кроме этого, нам понадобятся холодный язык и курица, французский шоколад и мороженое. Девочки привыкли к таким блюдам, и я хочу, чтобы мой обед был приличным и изысканным, хотя я и зарабатываю себе на жизнь сама».

«Сколько же юных леди в вашей группе?» – спросила её мать, посерьёзнев.

«Двенадцать или четырнадцать человек в группе, но, думаю, приедут не все».

«Боже мой, детка, тебе придётся нанять омнибус, чтобы отвезти их на прогулку».

«Мама, как вы могли такое подумать? Скорее всего, приедет не больше шести-восьми человек, так что я найму открытую коляску или одолжу у мистера Лоуренса “шерри-бум”». – (Так Ханна произносила слово «шарабан».)

«Всё это будет дорого стоить, Эми».

«Не очень. Я прикинула расходы и заплачу за всё сама».

«Не кажется ли тебе, дорогая, что, поскольку эти девушки привыкли к подобным вещам и их не впечатлит даже лучшее из предложенного нами, какой-нибудь более скромный план понравился бы им больше – для разнообразия, и это было бы гораздо лучше для нас, чем покупать или нанимать то, что нам не нужно, и пытаться перенимать манеры, не соответствующие нашим возможностям?»

«Если я не смогу устроить всё так, как мне хочется, то я не хочу ничего устраивать вообще. Я уверена, что прекрасно осуществлю свой замысел, если вы с девочками мне немного поможете, и не вижу причин, почему мне нельзя этого сделать, ведь я готова заплатить за всё сама», – сказала Эми с решимостью, которую сопротивление могло превратить в упрямство.

Миссис Марч знала, что опыт – отличный учитель, и, если это было возможно, она предоставляла своим дочкам самим набивать шишки, и она с радостью облегчила бы этот процесс, если бы они не возражали против её советов так же, как против слабительного или сенны.

«Отлично, Эми, если тебе так хочется, и ты знаешь способ, как это сделать без чрезмерных затрат денег, времени и сил, я больше не скажу ни слова. Обсуди это с сёстрами, и какое бы решение вы ни приняли, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вам помочь».

«Спасибо, мама, вы всегда так добры». – И Эми ушла, чтобы изложить сёстрам свой план. Мэг тотчас согласилась и пообещала ей помочь, с радостью предлагая всё, что у неё есть, от самого её маленького домика до своих лучших ложечек для соли. Но Джо смотрела на весь этот проект неодобрительно и поначалу не хотела иметь ничего общего с этим предприятием.

«С какой стати ты собираешься тратить деньги, беспокоить семью и переворачивать весь дом вверх дном из-за кучки девчонок, которые на тебя плевать хотели? Я думала, что у тебя хватит гордости и здравого смысла, чтобы не заискивать перед каждой смертной только потому, что она носит французские сапожки и ездит в карете», – сказала Джо, которую только что оторвали от трагической кульминации её романа, и она была не в лучшем настроении для организации светских приёмов.

«Я ни перед кем не заискиваю и, как и ты, терпеть не могу, когда на меня смотрят свысока! – возразила Эми с негодованием, потому что две сестры всё

ещё не упускали случая вступить между собой в перебранку, когда возникали подобные вопросы. – Этим девочкам я действительно нравлюсь, а они – мне, и у них в достатке доброты, ума и таланта, несмотря на то, что ты называешь «модной чепухой». Это ты не стараешься понравиться людям, стать частью хорошего общества, привить себе хорошие манеры и вкусы. А я хочу этого, и я собираюсь воспользоваться каждым шансом, который у меня появляется. Можешь идти по миру, уперев локти в бока и задрав нос, называя это независимостью, если тебе нравится, но это не мой путь».

Когда Эми давала волю своему остроумию, одновременно облегчая душу, ей обычно удавалось одерживать верх в споре, потому что она часто выступала за здравый смысл, в то время как Джо в своей любви к свободе и непринятию условностей заходила так безгранично далеко, что, естественно, оказывалась проигравшей. Определение, данное Эми пониманию независимости Джо, было настолько удачным, что обе рассмеялись, и дискуссия приняла более дружеский оборот. Хотя и вопреки своей воле Джо наконец согласилась пожертвовать одним днём ради «миссис Гранди[11 - Вымышленный английский персонаж, олицетворение придирчивости и ханжества.]» и помочь сестре с тем, что она всё ещё считала «бессмысленным занятием».

Приглашения были разосланы, почти все из них приняты, и следующий понедельник был отведён для торжественного мероприятия. Ханна была не в духе, потому что привычный для неё еженедельный распорядок работы был нарушен, и предсказала, что «ежели стирка и глажка не сделаны в срок, всё остальное тоже не заладится». Эта поломка главной пружины всего домашнего механизма плохо сказалась на всём предприятии, но девизом Эми было «Nil desperandum[12 - Никогда не отчаиваться (лат.)]», и, однажды решив, что нужно делать, она продолжала прикладывать усилия в этом направлении, невзирая на все препятствия. Начать следует с того, что стряпня Ханны в этот раз не очень удалась. Курица была жёсткая, язык слишком солёный, а шоколад плохо пенился. Затем оказалось, что торт и мороженое стоят больше, чем Эми ожидала, так же как и повозка, а различные другие расходы, которые сначала казались пустяковыми, вылились в довольно крупную сумму, когда их затем посчитали. Бет простудилась и слегла в постель. У Мэг было необычное количество посетителей, что удержало её дома, а Джо была так рассеянна, что неловкости, неприятные случайности и ошибки, которые она совершала, были на редкость многочисленными, значительными, и это всех очень раздражало.

Если в понедельник погода не будет ясной, барышни приедут во вторник – договорённость, которая в высшей степени рассердила Джо и Ханну. В понедельник утром погода находилась в том состоянии неопределенности, которое досаждает больше, чем непрекращающийся ливень. То немного моросил дождь, то ненадолго выглядывало солнце, то поднимался ветерок – погода будто бы не могла решиться, на чём ей остановиться, пока не стало слишком поздно, чтобы и люди могли принять хоть какое-то решение. Эми встала на рассвете, и подняла всех остальных с постелей, чтобы они поскорее позавтракали и начали приводить дом в порядок. Гостиная вдруг поразила её своим необычайно убогим видом, но Эми было некогда вздыхать о том, чего у неё не было, она попыталась умело использовать то, чем она располагала: она расставила стулья так, чтобы они скрывали потертые места ковра, прикрыла пятна на стенах статуэтками собственного изготовления, что придало комнате творческую атмосферу, как и прекрасные вазы с цветами, расставленные Джо в разных местах.

Накрытый стол выглядел аппетитно, и, окидывая его взглядом, Эми искренне надеялась, что еда будет вкусной и что взятые взаймы бокалы, фарфоровая посуда и серебряные приборы вернутся к своим обладателям в целости и сохранности. Экипажи были обещаны, Мэг и мама были готовы принимать гостей, Бет была в состоянии помогать Ханне «за кулисами», Джо обещала быть настолько приветливой и дружелюбной, насколько возможно с её рассеянностью, мигренью и решительным неодобрением всех и вся, и, устало одеваясь, Эми подбадривала себя предвкушением счастливого момента, когда, благополучно завершив ланч, она наконец уедет с подругами на целый день, чтобы получать творческое удовольствие, ибо «шерри-бум» и развалины моста были самыми сильными сторонами её плана.

Затем наступили часы ожидания, в течение которых она переходила из гостиной на крыльцо, в то время как общественное мнение менялось, как флюгер. Сильный ливень в одиннадцать часов, очевидно, погасил энтузиазм юных леди, которые должны были приехать в двенадцать, потому что никто так и не приехал, а в два часа истомлённое семейство село за стол под палящими лучами солнца, чтобы съесть скоропортящиеся праздничные кушанья, чтобы они не пропали.

«Насчёт сегодняшней погоды можно не сомневаться, они обязательно приедут, так что мы должны поторопиться и быть готовыми к их визиту», – сказала Эми, когда солнце разбудило её на следующее утро. Она говорила бодрым голосом,

но в глубине души сожалела, что разрешила девушкам приехать во вторник, потому что её интерес к этой затее угасал с той же скоростью, как её торт терял свежесть.

«Я не смог раздобыть омаров, так что сегодня вам придется обойтись без салата», – сказал мистер Марч, войдя через полчаса в дом с выражением тихого отчаяния на лице.

«Тогда заменим их курицей, жёсткое мясо не повлияет на вкус салата», – посоветовала миссис Марч.

«Ханна на минуту оставила курицу на кухонном столе, и котята добрались до неё. Я очень сожалею, Эми», – добавила Бет, которая всё ещё была покровительницей кошек.

«Тогда омар просто необходим, потому что одного языка недостаточно», – решительно заявила Эми.

«Может, я слетаю в город и потребую, чтобы мне его продали?» – спросила Джо с великодушием мученицы.

«Ты же вернёшься домой, держа его под мышкой, без всякой обёртки, просто мне назло. Я сама поеду», – ответила Эми, которая уже начала терять терпение.

Накинув плотную вуаль и вооружившись изящной дорожной корзинкой, она удалилась, надеясь, что утренняя свежесть успокоит её смятенные чувства и подготовит к напряжённому дню. Не без некоторой задержки, но предмет её вожделения был добыт, как и бутылочка с соусом, чтобы предотвратить дальнейшую потерю времени на его приготовление дома, и она поехала обратно, вполне довольная своей предусмотрительностью.

Поскольку в омнибусе был ещё только один пассажир – сонная пожилая дама, Эми сунула в карман свою вуаль и коротала скучную дорогу, пытаясь сообразить, куда же делись все её деньги. Она была так занята своей картой расходов, исписанной упрямыми цифрами, что не заметила нового пассажира, который вскочил в экипаж на ходу, пока мужской голос не произнёс: «Доброе утро, мисс Марч», и, подняв глаза, она увидела одного из самых элегантных друзей Лори по колледжу. Горячо надеясь, что он выйдет раньше её, Эми не

обращала никакого внимания на корзину у своих ног и, про себя поздравив себя с тем, что на ней новое дорожное платье, ответила на приветствие молодого человека с присущей ей учтивостью и оживлённостью.

Они разговорились, так как Эми вскоре избавилась от причины своего беспокойства, узнав, что джентльмен выйдет первым, и она как раз что-то говорила в особо возвышенной манере, когда старая леди поднялась с места. Ковыляя к выходу, она споткнулась, опрокинула корзинку и – о ужас! – омар во всём своём до неприличия крупном размере и великолепии предстал высокородному взору Тюдора.

«Клянусь Юпитером, она забыла здесь свой обед!» – воскликнул ничего не подозревающий юноша, тростью заталкивая алое чудовище на место и готовясь подать корзину выходившей старой леди.

«Пожалуйста, не надо… это… это моё», – пробормотала Эми, лицо которой стало почти таким же красным, как её добыча.

«О, в самом деле, прошу прощения. Он необыкновенно хорош, не правда ли?» – сказал Тюдор с большим присутствием духа и выражая сдержанный интерес, что делало честь его воспитанию.

Эми быстро взяла себя в руки, смело поставила корзину на сиденье и со смехом спросила: «А вам не хотелось бы отведать салата, в который мы собираемся его добавить, и повидаться с очаровательными юными леди, которые будут его есть?»

Вот это было настоящее проявление чувства такта, ибо она затронула две главные мужские слабости. Омара мгновенно окружил ореол приятных воспоминаний, и любопытство, вызванное упоминанием «очаровательных юных леди» отвлекло молодого человека от случившегося только что забавного происшествия.

«Наверное, он потом будет смеяться и шутить над этим с Лори, но я об этом не узнаю, что меня очень утешает», – подумала Эми, когда Тюдор раскланялся и вышел.

Она не стала упоминать об этой встрече дома (хотя обнаружила, что из-за падения корзинки её новое платье сильно пострадало от разводов соуса, появившихся на подоле её платья), занявшись приготовлениями, которые теперь казались ещё более утомительными, чем прежде, и в двенадцать часов всё было готово. Чувствуя, что соседи интересуются её передвижениями, она желала стереть воспоминания о вчерашнем провале грандиозным успехом сегодняшнего дня, поэтому заказала «шерри-бум» и уехала в город встречать и сопровождать гостей на банкет.

«Слышится шум колёс, они едут! Пожалуй, выйду на крыльцо, чтобы их встретить. Это будет выглядеть гостеприимно, а я хочу, чтобы бедняжка хорошо провела время после всех этих хлопот», – сказала миссис Марч, выполняя сказанное. Но одного взгляда на улицу было достаточно, чтобы она отступила назад с неописуемым выражением лица, так как, совершенно затерявшись в большом экипаже, внутри сидели только Эми и ещё одна молодая леди.

«Беги, Бет, и помоги Ханне убрать со стола половину приборов. Было бы слишком нелепо выставить обед на двенадцать персон всего лишь перед одной гостьей», – воскликнула Джо, в спешке спускаясь на нижний этаж, слишком взволнованная, даже чтобы остановиться и рассмеяться над сложившейся ситуацией.

Вошла Эми, совершенно спокойная и восхитительно радушная к единственной девушке, которая сдержала своё обещание. Остальные члены семьи, будучи людьми артистичными, тоже хорошо отыграли свои роли, и мисс Элиот нашла их весьма весёлой компанией, так как никто из них не был в состоянии полностью сдержать охватившее всех веселье. Когда переделанный для одной гостьи обед, ко всеобщей радости, был съеден, состоялось посещение студии и сада, а также воодушевлённое обсуждение искусства, после чего Эми заказала двухместную коляску (а не элегантный «шерри-бум», увы) и спокойно возила подругу по окрестностям до заката, пока «вечеринка не закончилась».

Когда она вошла в дом, выглядя очень усталой, но как всегда невозмутимой, она заметила, что все следы неудачного праздника исчезли, за исключением подозрительной морщинки в уголках рта Джо.

«Погода сегодня была чудесной – вполне подходящая для поездки, дорогая», – сказала мама тактично, словно приехали все двенадцать приглашённых гостей.

«Мисс Элиот очень милая девушка и, кажется, осталась довольна», – заметила Бет с необычайной теплотой.

«Не могла бы ты со мной поделиться своим тортом? Мне он действительно понадобится, у меня так много гостей, а сама я не сумею приготовить такой вкусный торт, как у тебя», – серьёзно сказала Мэг.

«Возьми его целиком. Я здесь единственная, кто любит сладкое, и он заплесневеет раньше, чем я успею с ним справиться», – ответила Эми, со вздохом подумав о том, какую щедрую сумму она потратила ради такого финала.

«Жаль, Лори здесь нет, он бы нам помог», – начала было Джо, когда они во второй раз за два дня приступили к поеданию мороженого и салата.

Предостерегающий взгляд матери остановил дальнейшие высказывания, и вся семья ела в героическом молчании, пока мистер Марч деликатно не заметил: «Салат был одним из любимых блюд у древних, и Эвелин…» Тут общий взрыв хохота прервал «историю салатов», к великому удивлению учёного джентльмена.

«Сложи всё в корзинку и отправь Хюммелям. Немцы любят такую стряпню. Меня уже тошнит от одного вида всего этого, и вы не обязаны умирать от обжорства только потому, что я была такой дурой», – воскликнула Эми, вытирая слёзы.

«Я думала, что умру, когда увидела, как вы, две девочки, с грохотом катитесь в этом, как бишь его, наподобие двух маленьких зёрнышек в огромной ореховой скорлупе, а мама-то ожидала встретить целую толпу», – вздохнула Джо, изрядно устав от смеха.

«Мне очень жаль, дорогая, что ты разочарована, но мы сделали всё возможное, чтобы ты осталась довольна», – сказала миссис Марч тоном, полным материнского сочувствия.

«Я довольна. Я выполнила задуманное, и не виновата, что всё пошло не так. Эта мысль меня утешает, – сказала Эми с лёгкой дрожью в голосе. – Я очень благодарна вам всем за помощь, и ещё больше буду благодарна, если вы не будете упоминать об этом хотя бы месяц».

В течение нескольких месяцев никто и не упоминал об этом случае, но слово «творческий праздник» всегда вызывало всеобщую улыбку, а подарком Лори на день рождения Эми был крошечный коралловый брелок в виде омара для цепочки её карманных часов.

Глава 4. Уроки литературы

Фортуна внезапно улыбнулась Джо и бросила на её пути счастливое пенни. Не то чтобы это было золотое пенни, но я сомневаюсь, что даже полмиллиона долларов принесли бы ей больше настоящего счастья, чем та скромная сумма, которая досталась ей литературным трудом. Каждые несколько недель она запиралась в своей комнате, надевала «костюм для бумагомарания» и «падала в водоворот», как она выражалась, когда писала свой роман, вкладывая в него всё сердце и душу, потому что не могла успокоиться, пока не допишет его. Её «костюм для бумагомарания» состоял из чёрного шерстяного передника, о который она могла вытирать перо, когда захочет, и украшенной забавным красным бантом шапочки из того же материала, под которую она убирала волосы, когда палубы были расчищены, и она готова была пуститься в плавание. Эта шапочка служила маяком для любопытных глаз членов её семьи, которые в эти периоды держались от писательницы подальше, лишь изредка просовывая головы к ней в комнату, чтобы с интересом спросить: «Ну, как, Джо, гений разгорелся?» Они даже не всегда решались задавать этот вопрос, лишь наблюдая за положением шапочки и делая соответствующие выводы. Если этот выразительный предмет одежды был низко надвинут на лоб, это говорило о том, что идёт процесс тяжёлой работы, в волнительные моменты он был дерзко сдвинут набок, а когда отчаяние переполняло автора, она решительно срывала шапочку и швыряла её на пол. В такие моменты незваный гость молча удалялся, и только тогда, когда красный бантик вновь задорно возвышался над челом гения, можно было осмелиться обратиться к Джо. Она ни в коем случае не считала себя гениальной, но когда её обуревал писательский порыв, она полностью и самозабвенно отдавалась ему и вела счастливую жизнь, забывая о потребностях, заботах или плохой погоде, спокойно и благополучно пребывая в своём воображаемом мире, полном друзей, почти как настоящих, которые были дороги ей не меньше, чем живые люди. Сон покидал её, еда оставалась нетронутой, день и ночь были слишком коротки, чтобы можно было успеть насладиться счастьем, которое переполняло её только в такие моменты и

делало эти часы достойными того, чтобы жить, даже если они не приносили никаких иных плодов. Божественное вдохновение обычно длилось неделю или две, а затем она выходила из своего «водоворота» голодная, сонная, сердитая или угрюмая.

Она как раз приходила в себя после одного из таких приступов, когда её уговорили сопроводить мисс Крокер на лекцию, и в обмен на свою добродетель она была вознаграждена новой идеей. Это была лекция открытого курса о египетских пирамидах, и Джо весьма удивил выбор подобной темы для такой аудитории, но она согласилась допустить, что, возможно, будет побеждено какое-то великое социальное зло или какая-то великая потребность будет удовлетворена, если раскрыть славу фараонов перед публикой, занятой мыслями о ценах на уголь и муку и посвящавшей свои жизни попыткам решить более сложные вопросы, чем загадка Сфинкса.

Они пришли на лекцию раньше времени, и, пока мисс Крокер вязала пятку чулка, Джо развлекалась, разглядывая лица людей, сидевших с ними на одной скамье. Слева от неё расположились две матроны с массивными лбами и соответствующими шляпками, обсуждавшие права женщин и плетение кружев. Чуть дальше сидела пара скромных влюблённых, бесхитростно державшихся за руки; мрачная старая дева, поедавшая мятные леденцы из бумажного пакетика, и пожилой джентльмен, решивший вздремнуть перед лекцией под жёлтым носовым платком. Единственным соседом справа от неё был парень прилежного вида, поглощённый чтением газеты.

Это была иллюстрированная газета, и Джо рассматривала ближайшую к ней иллюстрацию, от нечего делать задаваясь вопросом, какое случайное стечение обстоятельств могло свести вместе ради мелодраматической картинки индейца в полном боевом облачении, падающего в пропасть с волком, вцепившимся ему в горло, двух разъярённых молодых джентльменов с неестественно маленькими ногами и выпученными глазами, которые кололи друг друга ножами, и женщину с растрёпанными волосами и широко раскрытым ртом, спасающуюся бегством на заднем плане изображения. Прервав чтение, чтобы перевернуть страницу, парень заметил, что Джо смотрит на него, и с мальчишеским добродушием предложил половину своей газеты, спросив прямо: «Хотите почитать? Сюжет отличный!»

Джо с улыбкой приняла предложение, потому что так и не переросла своей симпатии к молодым парням, и вскоре оказалась вовлечённой в традиционный

лабиринт любви, тайн и убийств, поскольку история принадлежала к тому роду развлекательной литературы, в которой разыгрываются страсти, и когда у автора не хватает изобретательности, грандиозная катастрофа очищает сцену от одной половины personae dramatis[13 - Действующих лиц (лат.)], оставляя другую половину ликовать по поводу гибели первой.

«Великолепно, да?» – спросил паренёк, когда она пробежала глазами последний абзац своей части истории.

«Я думаю, мы с вами могли бы написать рассказ не хуже этого, если бы попытались», – снова повернулась к молодому человеку Джо, умиляясь его восхищению этим литературным мусором.

«Я бы считал себя счастливчиком, если бы мог так писать. Говорят, она неплохо зарабатывает на таких историях. И он указал на имя автора – миссис «С. Л. Э. Н. Г. Нортбери[14 - Отсылка к Эмме Дороти Элизе Невитт Саутворт (1819–1899), самой читаемой американской писательнице XIX века.]» под заголовком рассказа.

«Вы её знаете?» – спросила Джо с внезапно возникшим интересом.

«Нет, но я читал все её произведения и знаю одного парня, который работает в конторе, где печатается эта газета».

«Вы сказали, она неплохо зарабатывает на подобных историях?» – И Джо с большим уважением посмотрела на взволнованную группу людей на иллюстрации и густую россыпь восклицательных знаков, которые украшали страницу.

«Ещё бы! Она точно знает, что нравится людям, и ей хорошо платят за то, что она пишет».

Но тут началась лекция, хотя Джо почти ничего не слышала из неё, потому что, пока профессор Сэндс разглагольствовал о Бельцони[15 - Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823) – итальянский путешественник и авантюрист, увлекавшийся культурой Древнего Египта и впервые систематически описавший ее памятники.], Хеопсе, скарабее и иероглифах, она тайком переписала адрес редакции и смело решила поучаствовать в конкурсе на сенсационный рассказ за

приз в сто долларов, о котором было объявлено в одном из разделов газеты. К тому времени, когда лекция закончилась и публика проснулась, Джо сколотила себе неплохое состояние (уже не первое, построенное на бумаге) и уже была глубоко погружена в сочинение своего рассказа и не могла решить, должна ли дуэль состояться до побега или после убийства.

Дома она ничего не рассказала о своей затее, но на следующий день приступила к работе, вызвав большую обеспокоенность матери, которая всегда выглядела немного озабоченной, когда «гений разгорался». Джо никогда раньше не пыталась писать в таком стиле, довольствуясь вполне невинными любовными рассказами для «Распростертого Орла». Теперь ей пригодились её опыт и беспорядочное чтение, давшие ей некоторое представление о том, что именно создаёт драматический эффект, и снабдившие её сюжетом, нужным стилем языка и костюмами. Её рассказ был полон безрассудства и отчаяния, насколько позволяло её ограниченное знакомство с этими душевными волнениями, и, избрав местом действия Лиссабон, она закончила своё произведение землетрясением[16 - 1 ноября 1755 года землетрясение, сменившееся цунами и пожарами, практически стерло Лиссабон с лица земли.], в качестве поражающей воображение и вполне подходящей развязки. Рукопись была тайно отправлена в редакцию и сопровождалась запиской, скромно сообщавшей, что, если рассказ не получит премии, на которую автор вряд ли осмеливался рассчитывать, Джо будет очень рада получить любую сумму, которой мог быть достоин её рассказ.

Шесть недель – долгий срок для ожидающего, и ещё более долгий срок для девушки, которая вынуждена хранить секрет, но Джо справилась и с тем, и с другим, и, едва она начала терять всякую надежду когда-либо снова увидеть свою рукопись, как пришло письмо, от которого у неё перехватило дух, потому что, когда она открыла конверт, ей на колени упал чек на сто долларов. С минуту она смотрела на него, как на змею, потом прочитала письмо и заплакала. Если бы доброжелательный джентльмен, написавший эту любезную записку, мог знать, какое безмерное счастье он принёс ближнему, я думаю, он посвятил бы свои часы досуга, если бы они у него были, только этому занятию, потому что для Джо это письмо обладало большей ценностью, чем деньги, ведь оно обнадёживало, и после многих лет усилий было так приятно обнаружить, что она хоть чему-то научилась, пусть даже только умению писать сенсационные рассказы.

Редко можно увидеть более гордую молодую женщину, чем она, когда, взяв себя в руки, Джо взбудоражила всю семью, представ перед всеми с письмом в одной

руке и чеком в другой и объявив, что она выиграла приз. Конечно, после этого было большое торжество, и когда эта история появилась в газете, все прочитали и похвалили её, хотя потом отец сказал, что язык хорош, любовная линия оригинальна и душевна, а трагедия довольно увлекательна, но, покачав головой, он добавил со свойственной ему непрактичностью:

«Ты вполне можешь написать что-нибудь получше, Джо. Стремись к самому высокому и не думай о деньгах».

«А я считаю, что деньги – лучшая часть всего этого. Что ты будешь делать с таким богатством?» – спросила Эми, благоговейно глядя на волшебный листок бумаги.

«Отправлю Бет с мамой на море на месяц или два», – не задумываясь, ответила Джо.

После долгих обсуждений они всё-таки отправились к морю, и хотя Бет вернулась домой не такой пухлой и румяной, как хотелось бы, ей стало гораздо лучше, а миссис Марч заявила, что чувствует себя на десять лет моложе. Так что Джо была довольна вложением своих призовых денег и принялась за работу с приподнятым настроением, стремясь заработать побольше таких восхитительных чеков. В тот год она заработала несколько таких чеков и начала чувствовать, что обладает значительной властью в семье, потому что волшебство пера превратило её «чепуху» в блага для всей семьи. «Дочь герцога» оплатила счет мясника, «Призрачная Рука» расстелила новый ковер, а «Проклятие Ковентри» оказалось благословением для семейства Марч, обеспечив его бакалейными продуктами и платьями.

Богатство, безусловно, самая желанная вещь, но и бедность имеет свою солнечную сторону, и одно из приятных свойств невзгод – это подлинное удовлетворение, которое может доставить усердная работа ума или рук, и именно нужда вселяет вдохновение, которому мы обязаны половиной мудрых, прекрасных и полезных мирских благ. Джо наслаждалась вкусом этого удовлетворения и перестала завидовать более богатым девушкам, находя большое утешение в том, что она может обеспечить свои потребности и не должна просить ни у кого ни гроша.

Её рассказы не привлекли большого внимания публики, но своего читателя они нашли, и, воодушевлённая этим, она решила сделать ещё один смелый шаг к славе и богатству. Переписав свой роман в четвёртый раз, прочитав его всем своим близким друзьям и предложив его со страхом и трепетом трём издателям, она, наконец, сбыла его с рук с условием, что сократит его на треть и уберёт все те части, которыми особенно восхищалась.

«Теперь я должна либо отправить его обратно в свою жестяную жаровню, чтобы он там заплесневел, либо мне придётся самой оплатить печать, либо нарезать его на мелкие кусочки, приспособив к требованиям покупателей, и получить за него столько, сколько смогу. Слава – это очень хорошо, но наличные деньги мне больше пригодятся, поэтому я хочу узнать ваше мнение по этому важному вопросу», – сказала Джо, созвав семейный совет.

«Не порти свою книгу, девочка моя, в ней заложено больше, чем ты осознаёшь, и идея хорошо продумана. Пусть он полежит и дозреет», – таков был совет её отца, и он сам делал то, что проповедовал, терпеливо ожидая тридцать лет, пока созреют плоды его собственных трудов, и не спешил пожинать их даже сейчас, когда они стали сладкими и сочными.

«Мне кажется, Джо извлечет больше пользы, если примет участие в испытании, чем если будет ждать, – сказала миссис Марч. – Критика – лучшая проверка такой работы, потому что она покажет ей как неожиданные достоинства, так и недостатки, и поможет ей в следующий раз написать что-то получше. Мы слишком пристрастны, но похвала и порицание со стороны могут оказаться полезными, даже если она выручит не так много денег».

«Да, – сказала Джо, нахмурив брови, – в том-то и дело. Я так долго возилась с этим романом, что действительно не знаю, хорош он, плох или посредственен. Мне очень поможет, если спокойные, беспристрастные люди взглянут на него и скажут мне, что они о нём думают».

«Ты всё испортишь, если сделаешь то, что сказал издатель, потому что самое интересное в романе – это мысли, а не действия персонажей, и всё запутается, если ты не будешь давать объяснений по ходу дела», – сказала Мэг, которая твёрдо верила, что эта книга была самым замечательным романом, когда-либо написанным.

«Но мистер Аллен пишет: “Опустите объяснения, сделайте их краткими и драматичными, пусть персонажи сами расскажут историю”», – перебила Джо, обращаясь к записке издателя.

«Делай, как он говорит. Он знает, что можно продать, а мы – нет. Сделай хорошую, популярную книгу и получишь столько денег, сколько возможно. Мало-помалу, когда у тебя будет имя, ты сможешь позволить себе отступать от темы и включить в свои романы философов и метафизиков», – сказала Эми, которая придерживалась сугубо практического взгляда на дело.

«Ну, – сказала Джо со смехом, – если мои герои «философы и метафизики», то это не моя вина, потому что я ничего не знаю о таких вещах кроме того, что иногда слышу от отца. Если некоторые из его мудрых идей вплетаются в мой роман, тем лучше для меня. Ну, Бет, а ты что скажешь?»

«Мне бы так хотелось, чтобы его напечатали поскорее», – вот и всё, что сказала Бет и улыбнулась. Однако на последнем слове она невольно сделала особый акцент, а задумчивый взгляд её глаз, которые никогда не теряли своего по-детски искреннего выражения, заставил Джо на минуту похолодеть от ощущения надвигавшейся беды и решить «поскорее» пуститься в своё рискованное предприятие.

Итак, со спартанской решительностью юная писательница положила своего первенца на стол, и искромсала его так безжалостно, как какая-нибудь людоедка. В надежде всем угодить, она следовала каждому совету и, как старик и осёл в басне[17 - Басня «Отец, сын и осел», приписываемая Эзопу.], в итоге так и не смогла угодить никому.

Её отцу понравилась метафизическая струя, которая неожиданно для самого автора проникла в роман, так что этой струе было позволено остаться, хотя у Джо имелись сомнения на этот счёт. Её мать считала описания слишком подробными. Поэтому они были удалены, как и многие связующие звенья в романе. Мэг хвалила драматические сцены, поэтому Джо ещё больше сгустила краски, чтобы угодить ей, а Эми в свою очередь возражала против комедии, и с самыми лучшими намерениями Джо убрала весёлые сцены, которые вносили разнообразие в мрачную тональность повествования. Затем, чтобы довершить разрушение, она сократила роман на треть и доверчиво отправила бедный коротенький роман, как ощипанную малиновку, в большой, неспокойный мир, чтобы попытать свою судьбу.

Что ж, роман напечатали, и Джо получила за него триста долларов, а также множество похвал и упрёков – и того и другого намного больше, чем она ожидала, что повергло её в некоторое замешательство, и ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после этого.

«Вы говорили, мама, что критика будет мне полезна. Но чем она может помочь, если всё настолько противоречиво, что я не могу понять, написала ли я многообещающую книгу или нарушила все десять заповедей?» – воскликнула бедная Джо, перебирая ворох рецензий, чтение которых наполняло её то гордостью и радостью, то гневом и ужасом. «Вот один критик пишет: «Изумительная книга, которая полна правды, красоты и искренности.

Всё в ней свежо, безупречно и высоконравственно», – продолжала озадаченная писательница. А второй пишет так: «Теоретическая база книги слабая; роман полон порочных фантазий, спиритуалистических идей и неестественных персонажей». Но ведь у меня не было никакой «теоретической базы», я не верю в спиритуализм и брала своих персонажей из жизни, я не понимаю, как этот критик может оказаться прав. Третий отмечает: «Это один из лучших американских романов, выходивших в течение многих лет». (Я же знаю, что это не так.) А следующий утверждает, что «Хотя роман оригинальный и написан очень убедительно и проникновенно, эта книга опасна». Но она не такая! Одни высмеивают роман, другие превозносят его достоинства, и почти все настаивают на том, что у меня была глубокая теория, которую я хотела изложить, хотя я написала роман только ради собственного удовольствия и денег. Жаль, что я не напечатала его целиком, или лучше вообще не отдавала бы в печать, потому что я терпеть не могу, когда обо мне судят превратно».

Её семья и друзья великодушно подбадривали и поддерживали её. И всё же это было непростое время для чувствительной, жизнерадостной Джо, желавшей сделать как лучше, и, по всей видимости, добившейся обратного результата. Но это пошло ей на пользу, потому что те, чьё мнение имело реальную ценность, дали ей критику, что служит лучшим уроком для автора, и когда минуло чувство обиды, она могла посмеяться над своей бедной книжечкой, но всё ещё верила в неё, чувствуя себя мудрее и сильнее после перенесённых ударов.

«Это меня не убьёт, ведь я не гениальна, как Китс[18 - Джон Китс (1795–1821) – английский поэт-романтик.], – твёрдо сказала она, – и, в конце концов, это я сыграла с ними шутку, потому что части книги, взятые прямо из реальной жизни,

осуждаются как невозможные и абсурдные, а сцены, которые я выдумала из своей собственной глупой головы, объявляют «очаровательно естественными, нежными и правдивыми». Так что я утешу себя этим, а когда буду готова, снова поднимусь на ноги и попробую ещё раз».

Глава 5. Опыты домоводства

Как и большинство других молодых женщин, Мэг начала свою замужнюю жизнь с решимости стать образцовой домохозяйкой. Джон должен обрести рай в доме, он должен всегда видеть улыбающееся лицо жены, должен великолепно питаться каждый день и никогда не думать о потерянной пуговице. Она вкладывала в работу по дому столько любви, энергии и бодрости, что не могла не преуспеть, несмотря на некоторые препятствия. Ее домашний рай не был безмятежным, потому что маленькая женщина хлопотала, слишком стремилась угодить мужу и суетилась, как истинная Марта[19 - Персонаж романа Вальтера Скотта «Роб Рой».], обременённая множеством забот. Иногда она слишком уставала, чтобы даже улыбнуться, у Джона начиналось расстройство желудка после перемен изысканных блюд, и он неблагодарно требовал простой еды. Что касается пуговиц, то она вскоре стала удивляться, куда они исчезают, качать головой из-за беспечности мужчин и грозить мужу, что заставит его пришивать их самому, и посмотрит, справятся с этим его неуклюжие нетерпеливые пальцы лучше, чем её.

Они были очень счастливы, даже после того, как обнаружили, что они не могут жить лишь любовью. Джон не считал, что Мэг стала менее красивой, даже когда она улыбалась ему из-за привычного кофейника. Мэг не пропускала ни одного романтичного ежедневного расставания, когда муж вслед за поцелуем нежно спрашивал её: «Не прислать ли мне телятины или баранины, чтобы ты приготовила ужин, дорогая?» Их домик перестал быть разукрашенной беседкой, но стал просто домом, и молодые вскоре почувствовали, что эта перемена к лучшему. Сначала они играли в домашнее хозяйство и радовались, как дети. Затем Джон решительно окунулся с головой в работу, чувствуя на своих плечах бремя главы семьи, а Мэг убрала свои батистовые платья в шкаф, надев большой фартук, и принялась за работу, как уже было сказано, скорее с большей энергией, чем с осмотрительностью.

Во время своего приступа кулинарной мании она изучила «Книгу рецептов» миссис Корнелиус от корки до корки, как будто это был задачник по математике, решая задачи с терпением и осторожностью. Иногда они приглашали Марчей, чтобы те помогли им съесть слишком обильные удавшиеся блюда, или втайне отправляли Лотти с порциями неудавшихся кушаний к юным Хюммелям, которые должны были скрыть неудачу от посторонних глаз в своих желудках, вполне пригодных для этой цели. Вечер, проведённый с Джоном, склонившимся над своими бухгалтерскими книгами, обычно приводил к временному затишью в кулинарном энтузиазме, за ним следовал приступ бережливости, во время которого беднягу кормили хлебным пудингом, тушёным рагу с овощами и чуть тёплым кофе, что испытывало его терпение, хотя он переносил это с похвальной стойкостью. Однако ещё до того, как была найдена золотая середина, Мэг включила в свой домашний обиход то, без чего молодые пары редко обходятся в течение длительного времени, – семейную ссору.

Воспылав желанием по-хозяйски наполнить свою кладовую домашним заготовками, она взялась за приготовление желе из собственной смородины. Джону было дано указание заказать домой дюжину или две маленьких горшочков и сахара сверх обычного количества, так как смородина в их садике созрела и должна была быть немедленно обработана. Поскольку Джон был твёрдо убеждён, что его «жёнушке» всё было по плечу, и, естественно, гордился её мастерством, он решил сделать ей приятное и заготовить единственный созревший у них урожай в самом приятном виде для употребления зимой. Дома появились четыре дюжины очаровательных горшочков, полбочки сахара и маленький мальчик, чтобы помочь ей собрать смородину. Убрав свои красивые волосы под чепчик, обнажив до локтей руки и надев клетчатый фартук, который выглядел кокетливо, несмотря на то, что доходил ей до горла, молодая хозяйка принялась за работу, не сомневаясь в успехе – разве она не видела сотни раз, как это делала Ханна? Поначалу её поразило количество горшочков, но Джон так любил желе, а милые баночки так мило смотрелись бы на верхней полке кладовой, что Мэг решила заполнить их все и потратить целый день, собирая ягоды, кипятя, процеживая и хлопоча над своим желе. Она старалась изо всех сил, она сверялась с книгой рецептов миссис Корнелиус, она ломала голову, вспоминая, как бы поступила Ханна с тем, что Мэг не довела до конца, она снова кипятила, снова добавляла сахар и убавляла огонь, но это ужасное варево никак не застывало в «желе».

Ей очень хотелось броситься домой к маме, как она была, в фартуке, и попросить о помощи, но они с Джоном договорились, что никогда никому не будут досаждать своими личными заботами, переживаниями или ссорами. Они

смеялись над этим последним словом, как будто сама идея, которую оно обозначало, была нелепой, но они решили держать своё слово, и всякий раз, когда можно было обойтись без посторонней помощи, они так и поступали, и никто не вмешивался в их жизнь, потому что так посоветовала миссис Марч. Итак, Мэг в одиночестве билась с неподатливым сладким варевом весь тот жаркий летний день, а в пять часов вечера села посреди перевёрнутой вверх дном кухни, заломила свои измазанные вареньем руки, вскрикнула и заплакала.

Тогда, в первые дни своей замужней жизни, она часто говорила: «Мой муж всегда будет волен пригласить домой друга, когда пожелает. Я должна быть всегда готова к этому. Не будет никакой суеты, ссор, неловкости, а будет убранный дом, весёлая жена и хороший обед. Джон, дорогой, тебе не нужно спрашивать у меня разрешения, приглашай, кого захочешь, и будь уверен, что я окажу гостеприимство».

Это было очаровательно, разумеется! Джон прямо-таки светился от гордости, услышав эти слова от неё, и почувствовал, какое это счастье – иметь такую замечательную жену. Но, хотя время от времени у них бывали гости, их приход никогда не был нежданным, и у Мэг до сих пор не было возможности отличиться. Так всегда бывает в этой юдоли слёз, это неизбежность, которой мы можем только удивляться, сожалеть об этом и переносить, как можем.

Если бы Джон не забыл о желе, с его стороны действительно было бы непростительно выбрать именно этот день из всех дней в году, чтобы неожиданно привести друга домой на ужин. Похвалив себя за то, что утром были заказаны прекрасные продукты, будучи уверенным в том, что их вот-вот приготовят, и предвкушая, какой великолепный эффект он произведёт, когда его хорошенькая жена выбежит ему навстречу, он сопроводил друга в своё жилище с неудержимым удовлетворением молодого хозяина и мужа.

Но этот мир полон разочарований, как обнаружил Джон, приблизившись к «Голубятне». Обычно гостеприимно открытая входная дверь сегодня была не только закрыта, но и заперта, и ступени украшала грязь, не убранная со вчерашнего дня. Окна гостиной были закрыты, шторы опущены и на веранде не было его хорошенькой жены в белом платье, занятой шитьём, с умопомрачительным бантиком в волосах, и хозяйка дома с блеском в глазах и застенчивой улыбкой не приветствовала своего гостя. Ничего подобного не наблюдалось, потому что не видно было ни одной живой души, кроме спавшего под кустами мальчика, испачканного соком ягод, словно кровью.

«Боюсь, что-то случилось. Пройди в сад, Скотт, а я пока поищу миссис Брук», – сказал Джон, встревоженный тишиной и безлюдьем.

Он обежал вокруг дома, следуя за резким запахом жжёного сахара, и мистер Скотт со странным видом пошёл за ним. Он осторожно остановился в отдалении, когда Брук скрылся в доме, но со своего места он мог хорошо видеть и слышать всё происходящее, и, будучи холостяком, предвкушал грядущую семейную сцену.

На кухне царили беспорядок и отчаяние. Желе переливалось из одного горшочка в другой, стекало на пол и бойко подгорало на плите. Лотти с тевтонским хладнокровием невозмутимо ела хлеб со смородиновым сиропом, потому что желе оставалось безнадёжно жидким, в то время как миссис Брук, уткнувшись в свой фартук, сидела на кухне, горько всхлипывая.

«Моя дорогая девочка, что произошло?» – воскликнул Джон, врываясь в комнату, ошеломлённый видом обожжённых рук, известием о неожиданном происшествии и втайне ужасаясь при мысли о госте в саду.

«О, Джон, я так устала, мне жарко, я злюсь и волнуюсь! Я занималась этим до полного изнеможения. Помоги же мне, или я умру!» – и измученная хозяйка бросилась ему на грудь, оказывая ему сладкий приём во всех смыслах этого слова, потому что и её передник и пол были «окроплены» вареньем, словно перенеся обряд крещения.

«Что тебя так расстроило, дорогая? Случилось что-нибудь ужасное?» – спросил встревоженный Джон, нежно целуя маленький чепчик, который съехал набок с макушки.

«Да», – в отчаянии всхлипнула Мэг.

«Тогда рассказывай быстрее. Не плачь. Я могу вынести всё, что угодно, только не слёзы. Выкладывай, любовь моя».

«Же… Желе не загустевает, и я не знаю, что делать!»

Джон Брук расхохотался над этим так, как впоследствии никогда не осмеливался, и насмешливый Скотт невольно улыбнулся, услышав этот искренний раскат смеха, который явился последней каплей горя, переполнившего бедняжку Мэг.

«И только-то? Выбрось это в окно и забудь. Я куплю тебе кварты желе, если захочешь, но, ради Бога, не устраивай истерику, потому что я привёл с собой Джека Скотта поужинать и…»

Джон не успел продолжить, потому что Мэг оттолкнула его и рухнула в кресло, трагически сложив руки, и тоном, в котором смешались негодование, упрёк и смятение, произнесла:

«Человек пришёл на ужин, а в доме беспорядок! Джон Брук, как ты мог так поступить?»

«Тише, он в саду! У меня из головы выскочило это злосчастное желе, но теперь ничего не исправишь», – сказал Джон, с тревогой оглядываясь вокруг.

«Тебе нужно было послать мне весточку или сказать об этом сегодня утром, и ты должен был помнить, чем я была занята», – раздражённо продолжала Мэг, потому что даже голубки клюются, если взъерошить их пёрышки.

«Утром я не знал, что приглашу его, да и времени не было послать весточку, потому что я встретил его по дороге домой. Мне и в голову не пришло спрашивать у тебя разрешения, ведь ты всегда говорила, чтобы я поступал, как мне хочется. Я никогда не делал этого раньше, и будь я проклят, если я когда-нибудь снова так поступлю!» – добавил Джон с обиженным видом.

«Надеюсь, что ты так не поступишь! Уведи его немедленно. Я его не приму, и ужин не приготовлен».

«Подумать только! Где же говядина и овощи, которые я послал домой, и пудинг, который ты обещала приготовить?» – крикнул Джон, бросаясь в кладовую.

«У меня не было времени готовить ужин. Я думала, мы поедим у мамы. Прости, но я была так занята», – и у Мэг на глаза снова навернулись слёзы.

У Джона был мягкий характер, но он был живой человек, и ни душевному, ни физическому спокойствию не способствовало после долгого рабочего дня прийти домой усталым, голодным и полным надежд, а вместо этого увидеть беспорядок, пустой стол и сердитую жену. Однако он снова сделал над собой усилие, и небольшой шторм миновал бы, если бы не одно неудачное слово, сказанное им.

«Да, неприятная ситуация, я согласен, но с твоей помощью мы справимся и хорошо проведём время. Не плачь, дорогая, а просто сделай небольшое усилие и приготовь нам что-нибудь. Мы оба голодные, как волки, так что нам всё равно, что поесть. Дай нам холодного мяса, хлеба и сыра. Не нужно нам желе».

Он хотел, чтобы это прозвучало добродушно, как шутка, но одно-единственное слово решило его судьбу. Мэг подумала, что было слишком жестоко намекать на её досадную неудачу, и последняя капля переполнила чашу её терпения, когда он так пошутил.

«Тебе нужно как можно скорее уладить эту ситуацию. Я слишком устала, чтобы «делать небольшое усилие» ради кого-либо. Это так похоже на мужчин, приводить в дом человека и подавать на стол кость и простой хлеб с сыром. Я не потерплю ничего подобного в своем доме. Отведи этого Скотта к маме и скажи ему, что я в отъезде, больна, умерла, что угодно. Я его не приму, а вы оба можете смеяться надо мной и моим желе сколько угодно. Вам здесь больше ничего не светит».

И, на одном дыхании бросив этот вызов, Мэг швырнула фартук и поспешно покинула поле боя, чтобы поплакать в своей комнате. Что эти два существа делали в её отсутствие, ей было неизвестно, но мистера Скотта не отвели «к маме», и когда Мэг спустилась вниз после того, как муж с другом вместе ушли, она обнаружила следы беспорядочного обеда, и это привело её в ужас. Лотти сообщила, что они «ели много и много смеялись, и хозяин велел ей выбросить сладкое варево и убрать горшки».

Мэг очень хотелось пойти и рассказать обо всём случившемся маме, но чувство стыда за свои собственные недостатки, чувство верности Джону, «который может быть жесток, но никто не должен об этом знать», удержало её, и после небольшой уборки она нарядилась и села ждать, когда Джон вернётся и будет прощён.

К сожалению, Джон не пришёл к ней, так как был иного мнения о случившемся. Он обернул это в хорошую шутку для Скотта, как мог, извинился за свою жёнушку и разыграл из себя гостеприимного хозяина так ловко, что его другу понравился импровизированный ужин, и он пообещал прийти снова, но в действительности Джон был зол, хотя и не показывал этого, так как чувствовал, что Мэг бросила его в трудный час.

«Было нечестно говорить мужчине, чтобы он приводил домой друзей в любое время, когда захочет, а когда он припомнил это тебе, ты разозлилась, обвинила его и бросила одного на произвол судьбы, чтобы он выглядел смешным или жалким. Нет, клянусь Богом, это нечестно! И Мэг должна это понять».

Он внутренне кипел от злости во время обеда, но когда волнение утихло и он пошёл домой, проводив Скотта, его настроение смягчилось.

«Бедняжка! Ей было тяжело, когда она от всего сердца старалась угодить мне. Конечно, она неправа, но она так молода. Я должен быть терпеливым и воспитывать её».

Джон надеялся, что жена не ушла домой к маме – он терпеть не мог пересуды и вмешательство в свою личную жизнь. На мгновение он снова рассердился при одной только мысли об этом, но затем страх, что Мэг сейчас доплачется до истерики, смягчил его сердце и заставил его ускорить шаг; он решил быть спокойным и добрым, но твёрдым, очень твёрдым и показать ей, что она не выполнила свои обязательства перед супругом.

Мэг тоже решила быть «спокойной и доброй, но твёрдой» и показать мужу, в чём заключаются его обязательства. Ей очень хотелось выбежать ему навстречу, попросить прощения, чтобы он её поцеловал и утешил, и она была уверена, что так и будет, но, конечно, не сделала ничего подобного и, увидев Джона, приближающегося к дому, начала совершенно непринуждённо напевать себе под нос, раскачиваясь в кресле-качалке и заниматься шитьём, как леди, отдыхающая в своей прекрасной гостиной.

Джон был немного разочарован, не встретив нежную Ниобу[20 - В греч. мифологии – символ материнского горя.], но, чувствуя, что его достоинство требует, чтобы она извинилась первой, он не попросил прощения, лишь неторопливо вошёл и лёг на диван с исключительно уместным замечанием:

«Скоро будет новолуние, дорогая».

«Ничего не имею против», – так же спокойно ответила Мэг. Мистер Брук пытался заговорить на некоторые другие общие темы, но они встретили холодный приём со стороны миссис Брук, и беседа сошла на нет. Тогда Джон подошёл к одному из окон, развернул свою газету и, образно говоря, с головой ушёл в неё. Мэг придвинулась к другому окну и принялась шить, словно новые розочки для тапочек были одним из предметов первой необходимости. Никто не произнёс ни слова. Оба выглядели вполне «спокойными и твёрдыми», и оба чувствовали себя безумно неловко.

«О Боже, – подумала Мэг, – жизнь в браке очень тяжела и требует не только любви, но и бесконечного терпения, как говорит мама». Слово «мама» наводило на мысль о других материнских советах, данных давным-давно, которые воспринимались с недоверием и несогласием.

«Джон хороший человек, но у него есть свои недостатки, и ты должна научиться их видеть и мириться с ними, помня о своих собственных. Он очень решителен, но никогда не будет упрямиться, если ты будешь терпелива в своих доводах, и не станешь раздражённо спорить. Он очень педантичен и щепетилен в том, что касается истины – хорошая черта, хотя ты и называешь его «дотошным». Никогда не обманывай его ни взглядом, ни словом, Мэг, и он окажет тебе доверие, которое ты заслуживаешь, поддержку, в которой ты нуждаешься. У Джона вспыльчивый характер, но не такой, как у нас – мы быстро вспыхиваем, но быстро остываем, – его гнев разгорается медленно, ровно, но если однажды распалится, то погасить его нелегко. Будь осторожна, очень осторожна, чтобы не разгневать его, ибо мир и счастье в семье зависят от сохранения его уважения к тебе. Следи за собой, будь первой, кто попросит прощения, если вы оба неправы, и остерегайся мелких обид, недоразумений и опрометчивых слов, которые часто приводят к горькой печали и раскаянию».

Эти напутствия вспомнились Мэг, когда она сидела за шитьём на закате дня, особенно последняя фраза. Это была их первая серьёзная ссора, её опрометчивые речи казались ей теперь и глупыми и злыми, когда она их вспоминала, её гнев теперь выглядел детским, а мысли о бедном Джоне, который возвращается домой с работы и видит такую ужасную картину, совершенно растопили её сердце. Она взглянула на него со слезами на глазах, но он этого не заметил. Она отложила шитьё и поднялась, подумав: «Я первая скажу «прости»», но он, казалось, не слышал, как она встала. Мэг очень

медленно пересекла комнату, потому что ей было трудно перебороть свою гордость, подошла и встала рядом с ним, но он не повернулся к ней. На мгновение ей показалось, что она действительно не может извиниться, затем ей в голову пришла мысль: «Это только начало. Я сделаю всё, что от меня зависит, и мне не в чем будет себя упрекнуть», – и, наклонившись, она нежно поцеловала мужа в лоб. Конечно, это всё решило. Покаянный поцелуй был лучше, чем все слова на свете, и в следующее мгновение Джон усадил её к себе на колени, нежно говоря:

«Это было ужасно – шутить над бедными горшочками с желе. Прости меня, дорогая. Я никогда больше не буду так делать!»

Но, Боже мой, он смеялся потом над этим случаем сотни раз, и Мэг тоже смеялась, и оба объявили, что это было самое сладкое желе, которое они когда-либо делали, потому что вместе с желе в баночках были законсервированы семейный мир и согласие.

После этого Мэг пригласила мистера Скотта на званый ужин и устроила ему настоящий пир без вскипевшей жены в качестве первого блюда, и в этот раз она была так весела и любезна и всё прошло так замечательно, что мистер Скотт назвал Джона везучим, и всю дорогу домой качал головой, размышляя над тяготами холостяцкой жизни.

Осенью на Мэг обрушились новые испытания и переживания. Салли Моффат возобновила свою дружбу с ней, постоянно забегала в маленький домик, чтобы посудачить о том, о сём, или приглашала «бедняжку» заглянуть к ней на денёк в свой большой дом. Мэг это нравилось, потому что, когда было пасмурно, она часто чувствовала себя одинокой. Все были заняты своими делами в доме Марчей, Джон возвращался домой поздно вечером, и ей совсем нечем было заняться, кроме как шить, читать или бесцельно бродить по комнатам. Поэтому само собой случилось так, что Мэг стала слоняться без дела и болтать со своей подругой. Глядя на красивые безделушки Салли, Мэг стала страстно желать иметь такие же и страдала из-за того, что у неё их не было.

Салли была очень добра и часто предлагала подарить ей эти вожделенные вещицы, но Мэг отказывалась, зная, что Джону это не понравится, а потом эта глупая маленькая женщина взяла и сделала то, что Джону не понравилось ещё больше.

Она знала размеры доходов своего мужа, и ей нравилось сознавать, что он доверяет ей не только своё счастье, но и то, что некоторые мужчины, кажется, ценят гораздо больше – свои деньги. Она знала, где они лежат, могла свободно брать столько, сколько ей хочется, и единственное, о чём он просил Мэг, – это чтобы она вела учёт каждого пенни, раз в месяц оплачивала счета и помнила, что она жена небогатого человека. До сих пор она хорошо справлялась с этим, была бережлива и аккуратна, чётко вела свои маленькие книги расходов и без страха ежемесячно показывала их мужу.

Но той осенью змей-искуситель проник в рай Мэг и стал сбивать её с пути истинного, как многих современных Ев, не яблоками, а платьями. Мэг не любила, когда её жалели и заставляли чувствовать себя бедной. Это её раздражало, но ей было стыдно в этом признаться, и время от времени она пыталась утешиться, купив что-нибудь красивое, чтобы Салли не думала, что ей приходится экономить деньги. После этого она всегда чувствовала себя согрешившей, потому что красивые вещи редко были необходимыми, но на тот момент они стоили так дёшево, что не вызывали беспокойства, поэтому количество мелочей незаметно увеличивалось, и в походах по магазинам она больше не была пассивной наблюдательницей.

Но мелочи стоили больше, чем Мэг могла себе представить, и когда в конце месяца она посчитала расходы, итоговая сумма её несколько напугала. В тот месяц Джон был занят своей работой и поручил ей вести счета, в следующем месяце он уехал в командировку, но на третий устроил большой квартальный расчёт, и Мэг запомнила этот случай навсегда. За несколько дней до этого она совершила ужасный поступок, который угнетал её совесть. Салли покупала шёлк, и Мэг давно мечтала о новом красивом лёгком платье для выхода, так как её чёрное шёлковое платье смотрелось слишком просто, а носить вечерние наряды из более тонких тканей больше подобало юным девушкам.

На Новый год тётушка Марч обычно дарила каждой сестре по двадцать пять долларов. Ждать оставалось всего месяц, а на распродаже был прекрасный фиолетовый шёлк, и у Мэг хватило бы на него денег, если бы только она осмелилась их взять. Джон всегда говорил, что то, что принадлежит ему, принадлежит и ей, но сочтёт ли он правильным, если она потратит не только ожидаемые на Новый год двадцать пять долларов, но и ещё двадцать пять из семейного бюджета? Вот в чём был вопрос. Салли уговаривала её, предлагала одолжить ей денег и с самыми лучшими намерениями на свете искушала Мэг так, что та не могла противиться. В недобрый момент продавец вскинул вверх

прекрасные сверкающие складки и сказал: «Почти даром, уверяю вас, мэм». Она ответила: «Я беру», и ткань была отрезана и оплачена. Салли ликовала, а Мэг смеялась, как будто никаких последствий не предвиделось, и уехала домой с чувством, словно полиция преследовала её за кражу.

Дома она попыталась унять угрызения совести, разложив перед собой прекрасный шёлк, но теперь он выглядел не таким серебристым, всё-таки не шёл ей, и слова «пятьдесят долларов» казались отпечатанными на каждом отрезе ткани, как узор. Она убрала его в шкаф, но он преследовал её, не как восхитительный образ платья, а был ужасно похож на призрак глупости, от которого нелегко избавиться. Когда в тот вечер Джон достал свои расходные книги, сердце Мэг защемило, и впервые за всю свою супружескую жизнь она почувствовала страх перед своим мужем. Его карие глаза смотрели по-доброму, но ей они казались суровыми, и, хотя он был необычайно весел, она решила, что он раскусил её, но не хотел, чтобы она об этом догадалась. Все счета за дом были оплачены, все расходные книги – в порядке. Джон похвалил её и уже разворачивал старый бумажник, который они называли «банком», когда Мэг, зная, что он совершенно пуст, остановила его руку, нервно сказав:

«Ты ещё не посмотрел мою книгу личных расходов».

Джон никогда не просил её показывать эту книжечку, но она всегда настаивала на этом, обычно наслаждаясь его мужским изумлением по поводу странных вещиц, необходимых женщине, и вынуждала его догадываться, что такое «кант», настойчиво требовать объяснить ему, что означает «кофточка в обтяжку» или удивляться, как безделица, состоящая только из трёх бутонов роз, лоскутка бархата и пары нитей, могла оказаться шляпкой и стоить шесть долларов. Тем вечером он выглядел так, словно предвкушал, как будет шутливо расспрашивать о расходах и притворяться, что его пугает её расточительность, как он часто делал, но на самом деле он особенно гордился благоразумием своей жены.

Мэг медленно извлекла книжечку, положив перед ним, и встала позади его кресла под тем предлогом, что хотела разгладить морщины на его усталом лбу, и стоя за его спиной со все возраставшим ужасом проговорила:

«Джон, дорогой, мне стыдно показывать тебе мою книгу расходов, потому что в последнее время я действительно была ужасно расточительной. Я так часто бываю на людях, что мне, знаешь ли, нужно во что-нибудь одеваться, и Салли

посоветовала мне купить это, что я и сделала, и мои деньги в подарок на Новый год частично покроют эти расходы, но я пожалела, что так поступила, потому что знала, что ты сочтёшь это неправильным».

Джон рассмеялся, притянул её к себе, обведя вокруг кресла, и добродушно сказал:

«Не отходи и не прячься от меня. Я не буду наказывать тебя из-за пары сногсшибательных сапожек. Я горжусь ножками своей жены и не имею ничего против, если она заплатит восемь или девять долларов за сапожки, если они хорошие».

Это была одна из последних купленных ею «мелочей», и взгляд Джона упал именно на эту сумму, когда он говорил.

«О, что он скажет, когда дойдёт до этих ужасных пятидесяти долларов!» – подумала Мэг и содрогнулась.

«Это хуже, чем сапожки, это шёлковое платье», – сказала она с отчаянным хладнокровием, желая, чтобы худшее поскорее осталось позади.

«Ну, дорогая, каков «клятый общий итог», как говорит мистер Манталини[21 - Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби».]?»

Это было не похоже на Джона, и она знала, что он смотрит на неё тем открытым взглядом, который она всегда была готова встретить, ответив ему так же открыто. Она перевернула страницу и одновременно отвернула в сторону голову, указывая на сумму, достаточно большую и без пятидесяти долларов, а с учетом последней покупки оказавшейся совершенно ужасной. На минуту в комнате воцарилась тишина, затем Джон медленно произнёс – но она почувствовала, что ему стоило больших усилий не выражать неудовольствия:

«Ну, я не думаю, что пятьдесят долларов это много для платья, со всеми этими оборками и штучками, которые тебе необходимы, чтобы отделать его по сегодняшней моде».

«Оно пока не сшито и не отделано», – тихо вздохнула Мэг, внезапно вспомнив о расходах, которые ещё придется понести, и эта мысль ошеломила её.

«Двадцать пять ярдов шёлка, кажется, достаточно, чтобы с головой укрыть маленькую женщину, но я не сомневаюсь, что моя жена будет выглядеть не хуже, чем миссис Нед Моффат, когда наденет его», – сухо сказал Джон.

«Я знаю, что ты сердишься, Джон, но ничего не могу с собой поделать. Я не хочу тратить твои деньги впустую, и я не думала, что эти мелочи в итоге окажутся такими дорогими. Я не могу устоять, когда вижу, как Салли покупает всё, что захочет, и сочувствует мне, потому что я этого не делаю. Я стараюсь быть всем довольной, но мне трудно, я устала быть бедной».

Последние слова были произнесены так тихо, что ей показалось, муж их не расслышал, но он их слышал, и они глубоко его ранили, потому что он отказывал себе во многих удовольствиях ради Мэг. Она хотела откусить себе язык, сказав это, потому что Джон оттолкнул от себя книги и встал, сказав дрожащим голосом:

«Я боялся этого. Я стараюсь изо всех сил, Мэг», – если бы он отругал её или даже устроил взбучку, это не ранило бы ей сердце, как эти несколько слов. Она подошла и прижалась к нему, роняя слёзы раскаяния: «О, Джон, мой дорогой, добрый, трудолюбивый мальчик. Я не это имела в виду! Это было так низко, так нечестно и неблагодарно, как я могла так сказать! О, как я могла сказать такое!»

Он был очень добр, с готовностью простил её и не высказал ни единого упрёка, но Мэг осознавала, что именно она совершила и её слова не скоро забудутся, хотя Джон, возможно, никогда больше не упомянет об этом. Она обещала любить его, в горе и в радости, и вот она, его жена, упрекнула его в бедности, после того как безрассудно потратила заработанные им деньги. Это было ужасно, и хуже всего было то, что Джон продолжал потом вести себя так спокойно, как будто ничего не произошло, кроме того, что стал задерживаться в городе допоздна и работал дома по ночам, когда она уходила плакать, пока не заснёт. Через неделю-другую угрызения совести чуть не довели Мэг до болезни, а известие о том, что Джон отменил заказ на новое пальто для себя, привело её в состояние отчаяния, и на неё было жалко смотреть. В ответ на её удивлённые расспросы он просто сказал: «Я не могу себе этого позволить, дорогая».

Мэг ничего не ответила, но через несколько минут он обнаружил жену в холле, уткнувшуюся лицом в старое пальто и плачущую так, словно её сердце вот-вот разорвётся.

В тот вечер они долго беседовали, и Мэг стала больше любить своего мужа за его бедность, потому что нужда, казалось, сделала его мужчиной, дала ему силу и мужество прокладывать свой путь в жизни и научила его нежному терпению, с которым он выносил неудачи и усмирял естественные желания тех, кого любил.

На следующий день она спрятала свою гордость в карман, пошла к Салли, рассказала ей правду и попросила оказать любезность, купив у неё шёлк. Добродушная миссис Моффат охотно сделала это, и у неё хватило деликатности не подарить ей этот шёлк сразу же после покупки. Потом Мэг заказала домой мужское пальто, и когда Джон пришёл с работы, она надела его на себя и спросила, нравится ли мужу её новое шёлковое платье. Можно себе представить, что он ответил ей, как воспринял этот подарок, и какая счастливая жизнь началась потом. Джон возвращался домой рано, Мэг больше не слонялась без дела, и это пальто по утрам надевалось очень счастливым мужем, а по вечерам снималось самой преданной жёнушкой. Так прошёл год, и в середине лета Мэг пережила новый опыт, самый важный и нежный в жизни женщины.

Однажды в субботу взволнованный Лори прокрался на кухню «Голубятни» и был встречен звоном кимвалов, потому что Ханна хлопнула в ладоши, держа кастрюлю в одной руке и крышку в другой.

«Как поживает маленькая мамочка? Где все? Почему вы не сообщили мне об этом до того, как я вернулся домой?» – громким шёпотом начал Лори.

«Счастлива, как королева, голубушка наша! Все до последней души наверх поднялись и поклоняются. Нам здесь потрясения были не нужны. А теперь идите-ка в гостиную, и я пришлю их к вам», – и так, несколько запутанно ответив Лори, довольная Ханна скрылась, хихикая от упоения.

Вскоре появилась Джо, гордо неся фланелевый свёрток, лежащий на большой подушке. Лицо Джо было очень серьёзным, но её глаза блестели, и в голосе чувствовался странный отзвук какого-то подавляемого чувства.

«Закрой глаза и вытяни вперёд руки», – заманчиво проговорила она.

Лори поспешно отступил в угол и, спрятав руки за спину, умоляюще сказал:

«Нет, спасибо, лучше не стоит. Я уроню его или раздавлю, как пить дать».

«Тогда ты не увидишь своего племянничка», – решительно сказала Джо, поворачиваясь, словно хотела уйти.

«Ладно, ладно, давай! Только за нанесённый ущерб будешь отвечать ты», – повинуясь приказу, Лори героически закрыл глаза, в то время как нечто было вложено ему в руки. Взрыв смеха Джо, Эми, миссис Марч, Ханны и Джона заставил его раскрыть глаза в следующий момент, чтобы обнаружить, что ему вручили двух младенцев вместо одного.

Неудивительно, что все рассмеялись, потому что выражение его лица было таким забавным, что даже квакер стал бы хохотать до судорог, ведь он стоял и переводил ошарашенный взгляд с невинных младенцев на весёлых зрителей с таким ужасом, что Джо осела на пол, умирая со смеху.

«Близнецы, клянусь Юпитером! – вот и всё, что он сказал в течение минуты, а затем, повернувшись к женщинам с умоляющим взглядом, который был так забавно жалобен, он добавил: – Скорее, заберите их у меня, кто-нибудь! А то я сейчас рассмеюсь и уроню их».

Джо подхватила малышей и прошествовала по комнате из угла в угол, держа по одному близнецу в каждой руке, как будто уже была посвящена в тайны ухода за детьми, а в это время Лори смеялся, пока слёзы не потекли по его щекам.

«Это лучшая шутка сезона, не так ли? Я тебе не сообщила сразу, потому что мне очень хотелось удивить тебя, и я тешу себя надеждой, что мне это удалось», – сказала Джо, когда отдышалась.

«Это самое большое потрясение в моей жизни. Разве это не забавно? Это мальчики? Как вы собираетесь их назвать? Дайте мне ещё раз взглянуть. Поддержи меня, Джо, клянусь жизнью, их слишком много для меня», – ответил Лори, разглядывая младенцев с видом большого, доброжелательного ньюфаундленда, взирающего на пару маленьких котят.

«Мальчик и девочка. Разве они не прелестны?» – сияя улыбкой, сказал гордый папа, глядя на маленьких красных барахтавшихся существ, как на неоперившихся ангелов.

«Самые замечательные младенцы, которых я когда-либо видел. Кто из них кто?» – и Лори наклонился, как колодезный журавль, чтобы рассмотреть эти два чуда.

«Эми повязала голубую ленту на мальчика и розовую на девочку, согласно французской моде, так что можно различить, кто есть кто. Кроме того, у одного близнеца голубые глаза, а у другого карие. Поцелуй их, дядя Тедди», – лукаво сказала Джо.

«Боюсь, им это может не понравиться», – начал Лори с несвойственной ему робостью.

«Конечно, понравится, они уже привыкли к этому. Сделайте это сейчас же, сэр!» – скомандовала Джо, опасаясь, что он может предложить передать им поцелуй через неё.

Лори состроил гримасу и повиновался, осторожно чмокнув каждую маленькую щёчку, что вызвало у всех новый взрыв смеха и пронзительный визг у детей.

«Ну вот, я так и знал, что им не понравится! Это точно мальчик, смотри, как он брыкается и заправски бьёт кулачками. Эй, Брук младший, бей в лицо мужчинам своего размера, ладно?» – воскликнул Лори, в восторге от тычка в лицо крошечным кулачком, которым малыш бесцельно размахивал в воздухе.

«Его назовут Джон-Лоуренс, а девочку Маргарет – в честь матери и бабушки. Мы будем звать её Дейзи, чтобы не было двух Мэг, а мальчонку – Джек, полагаю, если мы не подберём лучшего имени», – сказала Эми с важным видом, как у тётушки.

«Назовите его Демиджон, а для краткости – Деми[22 - «Деми» – значит «полу», следовательно, Лори предлагает назвать мальчика «полу-Джоном».]», – предложил Лори.

«Дейзи и Деми, как раз то, что нужно! Я была уверена, что Тедди сможет придумать имя малышу», – воскликнула Джо, хлопая в ладоши.

Тедди тогда, несомненно, это удалось, потому что с той поры детей всегда называли «Дейзи» и «Деми».

Глава 6. Визиты

«Собирайся, Джо, пора идти».

«Куда?»

«Уж не хочешь ли ты сказать, что забыла про свое обещание сегодня нанести со мной полдюжины визитов?»

«В своей жизни я совершила немало опрометчивых и глупых поступков, но не думаю, что когда-либо совсем сошла с ума, пообещав сделать шесть визитов за день, хотя даже из-за одного я потом целую неделю сама не своя».

«Да, но мы же договорились. Я должна была закончить для тебя пастельный портрет Бет, а ты должна была сопровождать меня подобающим образом и нанести ответные визиты нашим соседям».

«Если бы стояла ясная погода, и это было прописано в договоре, а я буду придерживаться буквы договора, Шейлок[23 - Персонаж шекспировской пьесы «Венецианский купец», бессердечный ростовщик.]. На востоке куча облаков, это несправедливо, и я не пойду».

«А это называется увиливать. Сегодня прекрасный день, дождя не предвидится, и ты гордишься тем, что всегда сдерживаешь свои обещания, так что будь честна, иди и выполни свой долг, а затем будешь жить спокойно ещё шесть месяцев».

В этот момент Джо была особенно поглощена шитьём одежды, потому что она была главной портнихой в семье и ставила себе это в особую заслугу, так как

умела пользоваться иглой не хуже, чем пером. Ей было очень неприятно, что её захватили в плен во время первой примерки и приказали совершать визиты в своей лучшей одежде в тёплый июльский день. Джо терпеть не могла официальных визитов и избегала их, если только Эми не вынуждала её с помощью сделки, подкупа или обещания. В данном случае выхода не было, и, непокорно щёлкнув ножницами и по-прежнему утверждая, что чувствует признаки надвигающейся грозы, она сдалась, отложила своё шитьё и, с покорным видом взяв шляпку и перчатки, сказала Эми, что жертва готова к выходу.

«Джо Марч, ты так капризна, что и святого выведешь из себя! Надеюсь, ты не собираешься наносить визиты в таком виде?» – воскликнула Эми, с изумлением взглянув на неё.

«Почему бы и нет? Я опрятно одета, держу себя в руках и спокойна, что вполне подходит для пыльной прогулки в тёплый день. Если люди больше интересуются моей одеждой, чем мной, я не хочу их видеть. Ты можешь нарядиться за нас обеих и выглядеть настолько элегантной, насколько тебе заблагорассудится. Тебе воздастся за то, что ты отлично выглядишь. Это не для меня, и оборки меня только раздражают».

«О Боже! – вздохнула Эми. – Теперь у неё приступ своенравности, и она сведёт меня с ума, прежде чем я успею привести её в порядок. Я уверена, что мне не доставит удовольствия сегодня выходить в свет, но это долг, который мы должны выполнять перед обществом, и никто другой его не заплатит, кроме нас с тобой. Я сделаю для тебя всё, что угодно, Джо, если только ты нарядно оденешься и поддержишь меня в учтивом обхождении. Ты можешь так хорошо говорить, выглядеть так аристократично в своих лучших нарядах и вести себя так замечательно, если постараешься, что я могу гордиться тобой. Я боюсь идти одна, пойдём, ты приглядишь за мной».

«Ах ты хитрая маленькая кокетка, льстишь своей сердитой старой сестре! Подумать только, я аристократка и хорошо воспитана, а ты боишься идти куда-то одна! Я не знаю, что из этого абсурднее. Что ж, я пойду, если надо, и сделаю всё, что в моих силах. Ты будешь командиром экспедиции, а я буду слепо тебе подчиняться, тебя это устроит? – спросила Джо, внезапно переходя от несговорчивости к кроткому подчинению.

«Ты просто херувим! А теперь надень все свои лучшие вещи, и я расскажу тебе, как вести себя в том или ином доме, чтобы произвести хорошее впечатление. Я хочу, чтобы ты нравилась людям, и они полюбят тебя, если ты постараешься быть немного более любезной. Сделай красивую причёску и приколи розовую розу к шляпке. Это тебе идёт, и ты выглядишь слишком строгой в своём простом наряде. Возьми свои тонкие перчатки и вышитый носовой платок. Мы зайдём к Мэг и одолжим у неё белый зонтик, тогда ты сможешь взять мой, сизого цвета».

Пока Эми одевалась, она давала ей указания, и Джо слушалась её беспрекословно, однако вздыхала, с шуршанием облачаясь в своё новое кисейное платье, мрачно хмурясь своему отражению в зеркале, завязывая тесёмки своей шляпки в безупречный бант, сражалась с булавками, злобно прикалывая свой воротничок, наморщила лицо, встряхивая платочек, вышивка на котором раздражала её нос не менее, чем предстоящая миссия – её чувства, и когда она втиснула руки в тугие перчатки с тремя пуговицами и кисточкой, что было последним штрихом элегантности, она повернулась к Эми с дурашливым выражением лица и смиренно сказала:

«Я совершенно несчастна, но если ты считаешь, что я выгляжу презентабельно, я умру счастливой».

«Ты выглядишь в высшей степени приятно. Медленно повернись и дай мне хорошенько тебя рассмотреть».

Джо повернулась, и Эми добавила пару штрихов там и тут, затем откинулась назад, склонив голову набок, любезно заметив: «Да, пойдёт. Твоя голова выглядит превосходно, потому что эта белая шляпка с розой просто восхитительна. Не сутулься и следи, чтобы руки были раскованны, даже если перчатки тебе жмут. Одно у тебя выходит хорошо, Джо, это носить шаль. У меня так не получается, но на тебя мне приятно смотреть, и я так рада, что тётя Марч подарила тебе эту прелестную шаль. Она простая, но красивая, и эти складки на руке выглядят действительно эстетично. Моя накидка не криво сидит? А подол я ровно подколола? Мне нравится, когда видно мои сапожки, потому что у меня красивые ноги, в отличие от носа».

«Ты – воплощение красоты и вечной радости, – сказала Джо, с видом знатока рассматривая голубое перо на фоне золотистых волос сквозь сложенную в трубочку ладонь. – А мне что прикажете, волочить своё лучшее платье по пыли или лучше подколоть его, мэм?»

«Придерживай его рукой, когда выйдешь из дома, но опусти, когда зайдёшь в помещение. Тебе очень идут платья в пол, и ты должна научиться изящно носить свои юбки так, чтобы они скользили за тобой. Ты не до конца застегнула свою манжету, сделай это немедленно. Ты никогда не будешь выглядеть идеально, если внимательно не отнесёшься к мелким деталям, потому что они составляют привлекательное целое».

Джо вздохнула и принялась застёгивать манжету, при этом чуть не оборвав пуговицы на перчатке, но, наконец, обе были готовы и выплыли из дома, выглядя «красивыми, словно картиночки», как сказала Ханна, высунувшись из окна второго этажа, чтобы полюбоваться ими.

«Джо, дорогая, Честеры считают себя людьми утончёнными, поэтому я хочу, чтобы ты постаралась продемонстрировать им свои лучшие манеры. Воздержись от своих резких замечаний и не совершай никаких эксцентричных поступков, хорошо? Просто будь спокойной, сдержанной и скромной, это безопасно и по-женски, и ты без труда сможешь себя так вести в течение пятнадцати минут визита», – сказала Эми, когда они подошли к первому дому, перед этим одолжив белый зонтик у Мэг, которая подвергла их тщательному осмотру, держа в каждой руке по ребёнку.

«Дай-ка подумать. «Спокойствие, сдержанность и скромность», да, полагаю, я могу это обещать. Я играла роль чопорной молодой леди во время домашних представлений, и я попробую ещё раз это сделать. Я же великая актриса, вот увидишь, так что не волнуйся, дитя моё».

Эми вздохнула с облегчением, но озорная Джо следовала её совету буквально, потому что во время первого визита она сидела, грациозно сложив ноги и руки, при этом каждая складка её платья лежала ровно, она была невозмутима, как море летом, холодна, как сугроб, и нема, как сфинкс. Напрасно миссис Честер ссылалась на её «очаровательный роман», а юные мисс Честер пытались завести разговор о вечеринках, пикниках, опере и моде. Каждой из них была ответом улыбка, кивок и сдержанное «да» или прохладное «нет». Напрасно Эми знаками призывала её «поговорить», пыталась втянуть её в разговор и украдкой толкала ногой. Джо сидела, как будто ничего не замечая, с манерами, похожими на лицо Мод: «Как мрамор, холодны черты лица её и царственно спокойны»[24 - Героиня одноименной монодрамы Альфреда Теннисона (стихи в переводе А. М. Федорова).].

«Какое надменное, неинтересное создание эта старшая мисс Марч!» – к несчастью, слишком громко заметила одна из дам, когда дверь за гостьями закрылась. Джо беззвучно смеялась, пока они шагали по передней, а Эми выглядела недовольной тем, что её инструкции были неправильно выполнены, и вполне естественно обвинила во всём Джо.

«Как ты могла всё перепутать? Я просто хотела, чтобы ты держалась с достоинством и сдержанно, а ты была застывшей, как статуя. Постарайся быть общительнее у Лэмбов. Болтай, как это делают другие девушки, и прояви интерес к одежде, флирту и всякой чепухе, о которых заводят разговор. Они вращаются в лучшем обществе, являются ценными людьми для нас, и я не упущу возможности произвести на них хорошее впечатление».

«Я постараюсь. Я буду болтать и хихикать, испытывать ужас или восторг по любому пустячному поводу, как ты пожелаешь. Мне это весьма нравится, и на этот раз я буду изображать, что называется «очаровательную девушку». Я справлюсь, возьму Мэй Честер в качестве образца, и усовершенствую её манеры. Вот увидишь, Лэмбы скажут: «Какое живое, милое создание эта Джо Марч!»

Эми чувствовала тревогу, как и следовало ожидать, потому что, когда Джо чудила, неизвестно было, до каких границ она дойдёт. Стоило взглянуть на лицо Эми, когда она увидела, как её сестра впорхнула в следующую гостиную, перецеловала всех юных леди, болтая всякую чепуху, любезно улыбнулась молодым джентльменам и присоединилась к беседе с видом, поразившим сестру. Миссис Лэмб завладела своей любимицей Эми и заставила её выслушать длинный рассказ о последнем сердечном приступе Лукреции, в то время как три очаровательных молодых джентльмена топтались поблизости, ожидая паузы, когда они могли бы броситься ей на помощь. Находясь в таком положении, она была не в состоянии контролировать Джо, которую, казалось, обуял дух озорства, и она безудержно болтала, как словоохотливая леди. Несколько голов склонились над ней, и Эми напрягала слух, чтобы расслышать, о чём шла речь, потому что обрывки фраз наполняли её любопытством, а частые раскаты смеха возбуждали её желание разделить веселье. Можно себе представить, как она страдала, когда до неё доносились фрагменты разговоров, подобных этому:

«Она великолепно ездит верхом».

«Кто её учил?»

«Никто. Она тренировалась в верховой езде и держала поводья, сидя прямо на старом седле, закреплённом на стволе дерева. Сейчас она может ездить верхом на чем угодно, потому что не знает, что такое страх, и конюх задёшево даёт ей лошадей напрокат, так как она обучает их осторожно возить дам. Она так страстно увлекается верховой ездой, и я часто говорю ей, что если из неё не выйдет ничего другого, она может стать объездчицей лошадей и таким образом зарабатывать себе на жизнь».

Услышав эти ужасные слова, Эми с трудом сдержалась, так как создавалось впечатление, что она довольно легкомысленная молодая леди, а такие особы вызывали у неё отвращение. Но что она могла поделать? Пожилая дама едва достигла середины рассказа, и задолго до того, как он был закончен, Джо снова сорвалась, делая ещё более забавные откровения и совершая ещё более страшные промахи.

«Да, в тот день Эми была в отчаянии, потому что все хорошие лошади были разобраны, и из трёх оставшихся один жеребец был хромым, другой слепым, а третий – таким упрямым, что надо было сунуть комок грязи ему в пасть, чтобы он тронулся с места. Милое животное для приятной поездки, не так ли?»

«Какого же она выбрала?» – со смехом спросил один из джентльменов, которому понравилась эта тема разговора.

«Никакого. Она слышала о молодом жеребце на ферме за рекой, и хотя ни одна леди никогда не ездила на нём верхом, она решила попробовать, потому что он был красив и энергичен. На её усилия было действительно жалко смотреть. Некому было подвести лошадь к седлу, поэтому она сама отнесла седло к лошади. Бедняжка, она действительно переправилась через реку на лодке, взгромоздила седло себе на голову и направилась к сараю, к крайнему изумлению старика-фермера!»

«Так ей удалось на нём покататься?»

«Конечно, и она отлично провела время. Я ожидала, что увижу, как её привезут домой по частям, но она прекрасно справилась с этим жеребцом и была душой компании». «Ну, я считаю это отважным поступком!» – и юный мистер Лэмб бросил одобрительный взгляд на Эми, гадая, что такого могла сказать его мать, чтобы заставить девушку так покраснеть и почувствовать себя столь неловко.

Через мгновение она ещё больше зарделась и смутилась ещё сильнее, когда разговор внезапно перешёл на тему одежды. Одна из юных леди спросила Джо, где она купила такую красивую желтовато-серую шляпку, которую она надевала на пикник, и глупая Джо, вместо того чтобы просто назвать место, где она была куплена два года назад, непременно должна была ввернуть с излишней откровенностью: «О, это Эми её покрасила. Шляпки таких тёплых оттенков нигде не купишь, поэтому мы красим их сами в любой цвет, какой пожелаем. Очень удобно – иметь сестру-художницу».

«Какая оригинальная идея!» – воскликнула мисс Лэмб, которая находила Джо очень забавной.

«Это ничто по сравнению с некоторыми другими её блестящими достижениями. Этой девочке всё по плечу. К примеру, она захотела надеть голубые сапожки на вечеринку Салли, поэтому она просто покрасила свои старые грязно-белые сапожки в самый прекрасный небесно-голубой оттенок, какой вы когда-либо видели, и они выглядели в точности как сшитые из атласа», – добавила гордившаяся сестрой Джо, и Эми настолько разгневалась, что успокоилась бы лишь запустив в сестру своим кошельком для визиток.

«На днях мы прочли ваш рассказ, и он нам очень понравился», – заметила старшая мисс Лэмб, желая сделать комплимент литераторше, вид которой, надо признаться, в тот момент не соответствовал этому образу.

Любое упоминание о её «сочинениях» всегда плохо действовало на Джо, которая либо становилась суровой и выглядела оскорблённой, либо резко меняла тему, как сейчас: «Жаль, что вы не смогли найти ничего лучшего для чтения. Я пишу эту чушь, поскольку она хорошо продается и нравится обывателям. Вы собираетесь в Нью-Йорк этой зимой?»

Поскольку рассказ Джо «очень понравился» мисс Лэмб, в этих словах не было ни признательности, ни лести. Едва сказав это, Джо поняла, что допустила ошибку, но, боясь усугубить ситуацию, внезапно вспомнила, что именно она должна первой собраться уходить, и сделала это с такой внезапностью, что трое слушателей не успели ей ответить.

«Эми, нам пора уходить. До свидания, дорогая, заходите к нам. Мы просто жаждем вас увидеть. Я не осмеливаюсь приглашать вас, мистер Лэмб, но если

вы к нам заглянете, думаю, будет бессердечно вас не принять».

Джо сказала это, так забавно подражая манере Мэй Честер, что Эми как можно быстрее покинула комнату, испытывая сильное желание рассмеяться и расплакаться одновременно.

«Ну? Я хорошо справилась?» – спросила довольная Джо, когда они уходили.

«Хуже и быть не могло, – сокрушённо ответила Эми. – Какая нелёгкая тебя толкнула рассказывать эти истории о моём седле, о шляпках, сапожках и обо всём остальном?

«Ну, это забавно и веселит людей. Они знают, что мы бедны, поэтому нет смысла притворяться, что у нас есть грумы, что мы покупаем по три-четыре шляпки за сезон и что всё у нас так же легко и прекрасно, как у них».

«Тебе не следовало бы рассказывать им обо всех наших женских уловках и выставлять нашу бедность в совершенно неприглядном виде. У тебя нет ни капли настоящей гордости, и ты никогда не поймёшь, когда надо придержать язык, а когда говорить», – в отчаянии сказала Эми.

Бедняжка Джо выглядела смущённой и молча тёрла кончик носа накрахмаленным носовым платком, словно наказывая себя за свои проступки.

«А как мне вести себя в этом доме? – спросила она, когда они подошли к третьему особняку.

«Как тебе будет угодно. Я умываю руки», – последовал короткий ответ Эми.

«Тогда я дам себе волю. Там есть мальчики, и мы отлично проведём время. Видит Бог, мне нужно немного сменить обстановку, потому что элегантность плохо сказывается на моём организме», – грубовато ответила Джо, огорчённая своим неуместным поведением. Восторженный приём со стороны трёх мальчиков постарше и нескольких славных ребятишек быстро успокоил её расстроенные чувства, и, оставив Эми развлекать хозяйку и мистера Тюдора, который, как оказалось, тоже зашёл в гости, Джо посвятила себя молодым людям и нашла перемену обстановки бодрящей. Она с большим интересом

слушала рассказы о колледже, безропотно ласкала пойнтеров и пуделей, от души соглашалась, что «Том Браун – молоток[25 - Герой романа Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857).]», невзирая на неподобающую форму этой похвалы, и когда один юноша предложил посмотреть на водоём с черепахами, с готовностью последовала за ним, сопровождаемая улыбкой их матушки, поправлявшей чепец, весьма пострадавший от её дочерних объятий, по-медвежьи неуклюжих, но ласковых, и более дорогих для неё, чем самая безупречная причёска, созданная руками вдохновенной француженки.

Предоставив сестру самой себе, Эми продолжила развлекаться в своё удовольствие.

Дядя мистера Тюдора женился на англичанке, приходившейся троюродной сестрой ныне здравствующему лорду, и Эми относилась ко всей этой семье с большим уважением, потому что, несмотря на своё американское происхождение и воспитание, она испытывала то почтение к титулам, которое преследует даже лучших из нас. То было непризнанное преклонение перед древней верой в королей, приводившее граждан самой демократической страны в мире в восторг при появлении паренька с соломенными волосами и королевской кровью. В этом преклонении до сих пор есть что-то от любви юной страны к Старому Свету, подобно любви взрослого сына к властной маленькой матери, что держала его при себе, пока могла, и отпустила с ворчанием, когда тот взбунтовался. Но даже удовольствие от разговора с дальним родственником британских аристократов не заставило Эми забыть о времени, и когда прошло надлежащее количество минут, она неохотно оторвалась от этого благородного общества и огляделась в поисках Джо, горячо надеясь, что её неисправимая сестра не окажется в положении, опозорившем бы имя Марч.

Дела могли обстоять и хуже, но Эми считала, что всё очень плохо. Джо сидела на траве, окружённая мальчишками, словно на привале, и собака с грязными лапами улеглась на подоле её выходного платья, при этом она рассказывала своей восхищённой аудитории об одной из шалостей Лори. Один малыш тыкал в черепашек нежно любимым зонтиком Эми, второй ел пряник прямо над лучшей шляпкой Джо, а третий играл её перчатками в футбол. Но всем было весело, и когда Джо подобрала своё повреждённое имущество и собралась уходить, свита провожала её до выхода, умоляя прийти снова: «Было так весело услышать о проделках Лори».

«Отличные ребята, не правда ли? Я снова чувствую себя молодой и бодрой», – сказала Джо, шагая, заложив руки за спину, отчасти по привычке, отчасти для того, чтобы скрыть испачканный зонтик.

«Почему ты всегда избегаешь мистера Тюдора?» – спросила Эми, благоразумно воздержавшись от каких-либо комментариев по поводу неряшливого вида Джо.

«Не нравится он мне: важничает, оскорбляет своих сестёр, доставляет беспокойство своему отцу и неуважительно высказывается о своей матери. Лори говорит, что он легкомысленный, и я не считаю его желанным знакомым, поэтому не обращаю на него внимания».

«По крайней мере, ты могла бы обходиться с ним вежливо. Ты холодно кивнула ему, а перед этим вежливо поклонилась и улыбнулась Томми Чемберлену, чей отец держит бакалейную лавку. Если бы ты просто поменяла местами кивок и поклон, это было бы уместно», – укоризненно сказала Эми.

«Нет, не было бы, – возразила Джо, – Тюдор мне не нравится, я не уважаю его и не восхищаюсь им, пусть племянница племянника дяди его деда и была троюродной кузиной лорда. Томми беден, скромен, добр и очень умён. Я о нём хорошего мнения и хочу это продемонстрировать, так как он джентльмен, несмотря на то, что заворачивает покупки в коричневую обёрточную бумагу».

«Бесполезно с тобой спорить», – начала Эми.

«Совершенно бесполезно, моя дорогая, – перебила Джо, – так что давай поступим вежливо и оставим свою карточку здесь; по-видимому, Кингов нет дома, за что я им глубоко признательна».

Использовав по назначению кошелёк с визитками, девушки отправились дальше, и Джо возблагодарила небо ещё раз, когда они добрались до пятого дома и им сказали, что юные леди заняты.

«А теперь пойдём домой, и даже не думай навестить сегодня тётю Марч. Мы можем заскочить к ней в любое время, и очень жаль будет тащиться по пыли при полном параде, к тому же мы так устали и раздражены».

«Говори за себя, пожалуйста. Тётя Марч любит, когда мы оказываем ей уважение, приходя нарядными и нанося официальные визиты. Это пустяки, но наше посещение доставит ей удовольствие, и я не думаю, что дорога к ней повредит твоим вещам больше, чем если дать волю грязным собакам и позволить неуклюжим мальчишкам пачкать их. Наклонись и позволь мне смахнуть крошки с твоей шляпки».

«Какая ты хорошая девочка, Эми! – сказала Джо, переводя полный раскаяния взгляд со своего испорченного костюма на платье сестры, всё ещё свежее и безупречно чистое. – Я хотела бы с такой же лёгкостью, как ты, делать людям приятные пустяки. Я помню об этом, но они отнимают слишком много времени, поэтому я жду случая оказать крупную услугу и упускаю мелочи, но, думаю, в конце концов, именно они значат больше».

Эми улыбнулась и сразу же смягчилась, сказав с материнским видом: «Женщины должны учиться быть обходительными, особенно бедные, потому что у них нет другого способа отплатить за доброе отношение, которое им оказывают. Если ты будешь помнить об этом и превратишь это в привычку, ты будешь нравиться людям больше, чем я, потому что ты талантливее».

«Я капризная старуха и останусь такой навсегда, но готова признать твою правоту, только мне легче рисковать жизнью ради человека, чем быть с ним любезной, когда мне этого не хочется. Это большое несчастье – иметь такие сильные симпатии и антипатии, не так ли?»

«Но ещё большая беда – не уметь их скрывать. Мне ничего не стоит признать, что я не одобряю поведения Тюдора, даже больше, чем ты, но я не обязана говорить ему об этом в лицо. И ты тоже, и нет смысла выставлять себя такой же неприятной, как и он».

«Но я считаю, что девушки должны демонстрировать молодым мужчинам своё неодобрение, и как ещё они могут это выразить, если не с помощью манер? Поучения не приносят никакой пользы, насколько мне, к моему сожалению, известно, так как мне приходилось направлять Тедди. Но есть много маленьких уловок, с помощью которых я могу повлиять на него без слов, и я утверждаю, что мы должны по возможности поступать так же и с другими юношами.

«Тедди – замечательный мальчик, но по нему нельзя судить о других молодых людях, – сказала Эми торжественным тоном, услышав который «замечательный мальчик» смеялся бы до колик. – Если бы мы были красавицами или состоятельными и уважаемыми женщинами, мы, возможно, могли бы так себя вести, но если бы мы хмурились одним молодым джентльменам, потому что не одобряем их поведения, и улыбались другим, так как они нам приятны, то это не произвело бы ни малейшего эффекта, и все бы считали нас странными пуританками».

«То есть мы вынуждены мириться с положением дел и людьми, которых не выносим, лишь потому, что мы не красавицы и не миллионерши, так? Прекрасная мораль».

«Мне трудно рассуждать на эту тему, я только знаю, что так принято в мире, и над людьми, которые противопоставляют себя ему, все только смеются из-за их тщетных усилий. Мне не нравятся бунтари, и я надеюсь, что ты никогда не станешь одной из них».

«А мне они нравятся, и я стану одной из них, если смогу, потому что, несмотря на насмешки в их адрес, мир никогда не обойдётся без таких людей. Мы не можем прийти к согласию с тобой, ибо ты принадлежишь к консервативному кругу, а я – к кругу бунтарей. Ты будешь более удачлива, а мне будет веселее. Думаю, я бы предпочла насмешки и улюлюканье».

«Ну, ну, успокойся и не тревожь тётю своими новыми идеями».

«Я постараюсь этого не делать, но меня всегда подмывает разразиться перед ней какой-нибудь особенно резкой речью или огорошить её моими революционными настроениями. Таков мой жребий, и я ничего не могу с этим поделать».

В гостях у старой леди они застали тётю Кэррол, они обе были поглощены какой-то очень интересной темой, но, когда девушки вошли, старшие дамы замолчали с многозначительным видом, выдающим, что они как раз обсуждали своих племянниц. Джо была не в духе, и к ней вернулся приступ своенравия, а Эми, добродетельно выполнявшая свой долг, держала себя в руках и всем понравилась, так как была в самом ангельском расположении духа. Её дружелюбие сразу же почувствовалось, и обе тётушки стали ласково

обращаться к ней «дорогуша», наблюдая за тем, что они потом красноречиво выразят словами: «Это дитя становится всё лучше с каждым днём».

«Ты поможешь нам с ярмаркой, дорогуша?» – спросила миссис Кэррол, когда Эми присела рядом с ней с участливым видом, который так ценят пожилые люди в молодых.

«Да, тётя, миссис Честер пригласила меня, и я согласилась занять столик, так как я больше ничего не могу предложить, кроме своего времени».

«А я ничем не помогу, – решительно вставила Джо. – Я терпеть не могу, когда мне покровительствуют, а Честеры считают, что делают большое одолжение, разрешая нам помочь организовать их ярмарку с гостями из высшего общества. Я удивляюсь, что ты согласилась, Эми, им же от тебя нужна только работа».

«Я готова поработать. Эта ярмарка пойдёт на пользу не только Честерам, но и вольноотпущенным, и я думаю, что с их стороны очень любезно позволить мне разделить с ними труд и развлечение. Покровительство меня не тяготит, если преследует благие цели».

«Совершенно правильно и разумно. Мне нравится твой благодарный настрой, дорогуша. Очень приятно помогать людям, которые ценят наши усилия. Некоторые этого не делают, и это раздражает», – заметила тётя Марч, глядя поверх очков на Джо, которая сидела в сторонке, и с несколько мрачным видом качалась в кресле-качалке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мистер Тудл – персонаж романа Ч. Диккенса «Домби и сын».

2

Разрешение на заключение брака.

3

Персонаж романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд»; отличалась желчным, мрачным нравом.

4

В античной литературе египетский бог Амон иногда отождествлялся с римским Юпитером.

5

Богиня юности в древнегреческой мифологии.

6

Квакеры – религиозная христианская секта в Англии и США.

7

В данном случае речь об острых наконечниках прибора для выжигания.

8

Бартоломео Эстебан Мурильо – севильский живописец XVII в.

9

Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775–1851) – британский пейзажист.

10

Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристина (1717–1780) – эрцгерцогиня Австрийская.

11

Вымышленный английский персонаж, олицетворение придирчивости и ханжества.

12

Никогда не отчаиваться (лат.)

13

Действующих лиц (лат.)

14

Отсылка к Эмме Дороти Элизе Невитт Саутворт (1819–1899), самой читаемой американской писательнице XIX века.

15

Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823) – итальянский путешественник и авантюрист, увлекавшийся культурой Древнего Египта и впервые систематически описавший ее памятники.

16

1 ноября 1755 года землетрясение, сменившееся цунами и пожарами, практически стерло Лиссабон с лица земли.

17

Басня «Отец, сын и осел», приписываемая Эзопу.

18

Джон Китс (1795–1821) – английский поэт-романтик.

19

Персонаж романа Вальтера Скотта «Роб Рой».

20

В греч. мифологии – символ материнского горя.

21

Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

22

«Деми» – значит «полу», следовательно, Лори предлагает назвать мальчика «полу-Джоном».

23

Персонаж шекспировской пьесы «Венецианский купец», бессердечный ростовщик.

24

Героиня одноименной монодрамы Альфреда Теннисона (стихи в переводе А. М. Федорова).

25

Герой романа Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857).

Купить: https://tellnovel.com/ru/olkott_luiza-mey/horoshie-zheny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить